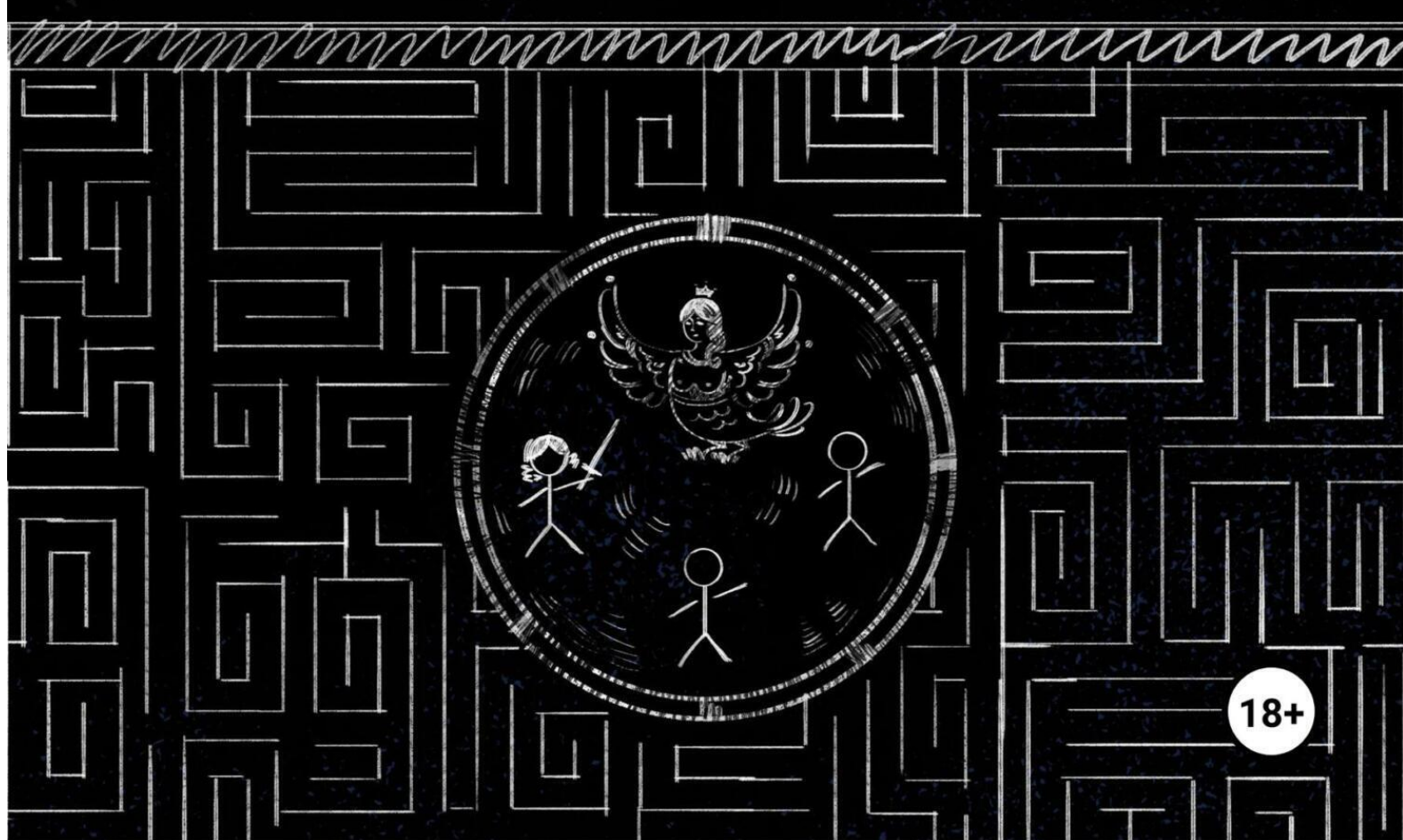
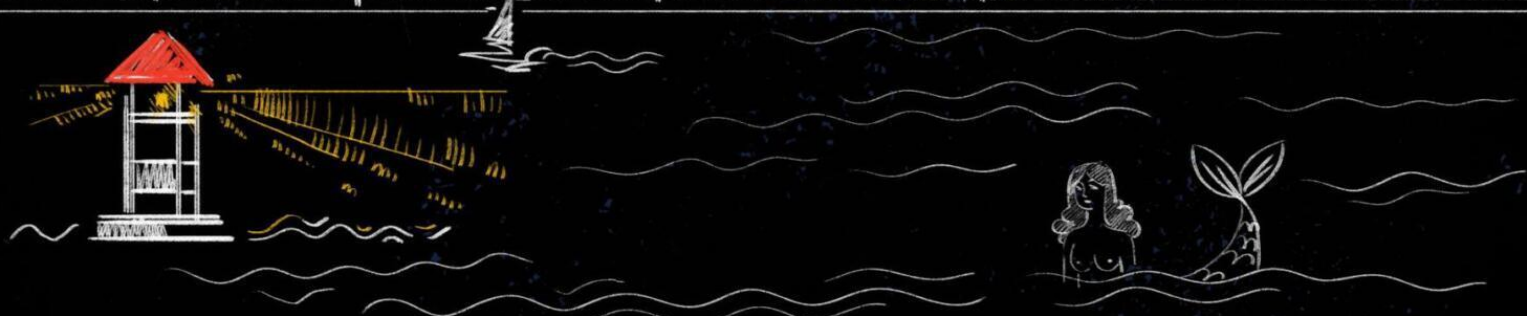


Усова Оксана
Легенды города 2000



18+

Оксана Усова
Легенды города 2000

«Автор»

2024

Усова О.

Легенды города 2000 / О. Усова — «Автор», 2024

Если вы похищаете человека из психушки, будьте готовы к тому, что его видения могут быть вполне реальными и вы обретёте ценного напарника по борьбе с преступностью, вооруженной клыками, когтями и несанкционированной магией. А Владивостоку нужна крепкая рука. Здесь браконьерствуют русалки, загадочно умирают кандидаты в мэры города, вампиры открывают студию загара, а японский автомобиль вполне может начать убивать людей. Так что работы здесь дозорным Бюро «Жар-птица», потомкам умерших магических цивилизаций, всегда по горло. Что удивительного в том, что именно под этим городом спит древняя воительница, которая поклялась воскреснуть из мертвых и встать на защиту мира, когда могущественный чародей освободится, чтобы заставить всех играть по своим правилам? Ведь если вы похищаете человека из психушки, то он вполне может оказаться героем из пророчества.

© Усова О., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог.	6
Глава 1. О ЧЕМ Я ГОВОРЮ, КОГДА Я ГОВОРЮ О МАГИИ	11
Глава 2. СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ	19
Глава 3. СИНЯЯ БОРОДА	30
Глава 4. ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Оксана Усова

Легенды города 2000

Спасибо земляку Д. Ю. А. за неоценимую поддержку этой книги.

В книге упоминается Instagram – принадлежит Meta (признана в России экстремистской организацией, ее деятельность запрещена).

Пролог.

Июнь 2020

Наша история началась в предрассветный час, когда уже не темно, но еще не светает.

Насквозь просоленные дома и дороги Владивостока успокаиваются лишь на этот переходный миг. Прямо в машине засыпает последний таксист, а водитель первого мусоровоза заводит мотор и гудит охраннику в будке возле шлагбаума, чтобы тот выпустил машину со стоянки базы. Примерно в это же время закрывается последний ночной клуб и начинает работу хлебозавод.

Спящим этого короткого мгновения хватит только на то, чтобы всхрапнуть и перевернуться на другой бок. А вот для магии, такой старой, что она кажется вечной, вполне хватит времени, чтобы заставить мировой баланс пошатнуться.

Именно в эти считанные секунды на улицы города выползает едва заметный глазу светло-серебристый туман, который газовой шалью устилает асфальт и брусчатку. Он просачивается в стоковые отверстия, опускается до самого сердца города, подземных катакомб, и нежно гладит веки спящих там существ. Спите крепче, просит туман. Однажды вы очнетесь полными сил.

Вволю налюбовавшись, туман взмывает ввысь по трубам вентиляции и снова оказывается на улицах Владивостока, где с любопытной опаской заглядывает в темные стеклянные витрины пекарен и кафе, но не находит там своего отражения. Под дверными ковриками туман обнаруживает обрывки ароматов свежей выпечки и кофе, полироли для обуви, морской пыли и вымытой с шампунем собачьей шерсти.

У ступенек круглосуточного супермаркета робко переминалась с ноги на ногу старушка в черном капюшоне. Подувянувший букет белых лилий светился, когда на него падал блеклый луч фонаря. Дырявая поношенная юбка, два гнилых зуба, потускневшие глаза – весь ее образ вызывал жалость и желание купить букетик.

– Милок, – ласково позвала она.

Мимо как раз проходил грустный парень, сосредоточенно звонивший кому-то по мобильному телефону. Куда он мог брести в такой час? Может, с девушкой поссорился и не мог вызвать такси?

– Чего тебе, бабуля? – спросил он, будучи явно не в духе.

– Купи букетик, – попросила старушка. – Недорого, сто рублей всего. Пенсия маленькая, давление замучило... На лекарства не хватает.

– Отчего ж не помочь, бабушка, – вздохнул парень и полез в карман куртки за портмоне.

Старушка улыбнулась еще шире и сделала шаг вперед.

Шипастый ошейник с цепочкой-поводком защелкнулся на ее шее так быстро, что она не успела даже моргнуть. Яга плотоядно взвыла, но страж резко дернул цепочку на себя, не давая ей вырваться. Старуха ощерилась и выпустила когти, безуспешно пытаясь ранить юношу-жара.

– Мы нашли твою избушку под мостом, – сказал он, набирая чей-то номер, на сей раз по-настоящему. – В печке были косточки тех, кто купился на букетик...

Лезвие меча вошло в спину парня беззвучно, и телефон полетел на землю. Кровь хлынула из рта парня, и он пошатнулся. Цепочка выскользнула из ослабевших пальцев.

– Тебя разве не учили, что Ягу в одиночку в плен не возьмешь?

Мужчина в элегантном костюме дернул рукоять на себя, и тело стража с глухим стуком рухнуло ничком.

Яга упала на колени, с подвыванием срывая ошейник. Убийца наклонился к мертвому стражу. На лице парня навеки отпечаталось удивление.

Мужчина разжал пальцы юноши и забрал у него зажигалку.

Крышка откинулась с сухим шелчком. Убийца понаблюдал за огоньком пару мгновений, а затем бросил зажигалку на тело мертвого.

Волшебное пламя охватило труп сразу же.

– Хозяин, – просипела старуха, все больше теряя человеческий облик. Ее челюсть выросла и выдвинулась вперед, а нос вдавило в череп. – Хозяин.

– Заткнись, – велел мужчина в костюме, и Яга умолкла.

Ардричу почудилось, что это не огонь вовсе, а женские волосы, непокорные, сияющие, янтарного цвета. Очарованный, он протянул руку и сразу же отдернул.

– Очередь за тобой, Янтарина, – прошептал он. – Как бы искра не погасла.

...Тем временем туман продолжал рыскать по предрассветному городу, отдавшись чьему-то зову. Наконец он затормозил и разлегся, как кошка, у ног двух черных фигур на крыльце ресторана «Гриль».

– Сид, ты уверен, что это хорошая идея?

Сумка с инструментами ходила в руках Люца ходуном. Свитер противно покалывал грудь и спину, покрытые липким потом. Парень торопливо стащил с головы вязаную шапку, которую носил даже летом, и протер ей лицо. На щеке сразу же закровоточил прыщ.

Отмычки, порхавшие под пальцами Сида, замерли.

– Не знаю, как ты, Лютиков, – настоящей фамилией Глеб звал друга только в моменты, когда злился на него, – а я не могу напеть чеканных монет в переходе. Мы с тобой оба уже несколько дней растягиваем последнюю пачку гречки, а стипендия будет только через две недели. Если не хочешь жрать – проваливай, а лично я намерен наесться здесь настоящего мяса до отвала. У этих мажоров не убудет из-за пары кусков.

Сид посмотрел на друга, как бы ожидая ответа, а когда ответа не поступило, фыркнул, и отмычки замелькали в его бледных пальцах еще проворнее.

В глубине души Глеб Сидин осуждал себя за то, что опустил до кражи. Он был молод, полон сил, перспективный студент юрфака и староста потока. Мог бы подрабатывать на стройке, в магазине, в кафе. Он приехал во Владивосток из маленького городка Холмска на Сахалине с одним рюкзаком вещей, с легкостью поступил на бюджет Дальневосточного федерального университета. Пандемия COVID-19 внесла свои коррективы: той весной предприятия города, мелкие и средние, закрыли свои двери сначала на карантинную неделю, а потом на карантинный месяц. После этого открыться вновь смогла едва ли половина, что лишило город десятков тысяч рабочих мест. Закрывшиеся навсегда, ресторанчики и ночью и днем осуждающе провожали разбитыми стеклами горожан. Многие женщины и мужчины все еще носили медицинские маски и опасливо обходили стороной надсадно кашляющих бездомных, разложивших свои лохмотья для сушки прямо на ступеньках подземных переходов.

Чаще всего в это время суток Светланская, самая старая улица города, все еще бурлила жизнью. Таксисты кричали девушкам непристойности, молодежь гурьбой вываливалась на улицы из ночных лапшичных, баров и ресторанов, из машин гремела музыка. Но сейчас на всех дверях висели таблички «Закрето», и улица выглядела чище и опрятнее обычного.

– Кажется, получилось, – негромко сказал Сид.

Он спрятал отмычки в нагрудный карман кожаной куртки и открыл дверь. Люц про себя отметил, что друг предусмотрительно, словно заправский домовник, надел тонкие латексные перчатки.

Тихо, стараясь не шуметь, Сид вошел первым, подсвечивая себе под ноги фонариком. Затем он коротко махнул рукой, и Люц скользнул в помещение вслед за ним. Попав внутрь, он, казалось, преисполнился верой в их сомнительное предприятие и с любопытством осмотрелся.

Даже в полумраке в ресторанчике было красиво. Луч фонарика Сиды выхватывал то брендованные скатерти, то сочные фотографии блюд в меню на столиках, то краба, который слепо постукивал клешнями по тусклому стеклу аквариума.

– Хэй, дружок, – прошептал Люц крабу. – Какой ты вкусный на вид. Сварить бы тебя да слопать под пивко.

Рот Люца наполнился слюной, и он еще плотнее прижал сумку Сиды к груди. Он представил этот же ресторан, но вечером, когда на каждом столике горит маленькая свеча, а стены наполнены музыкой и гвалтом людской речи. Люц вообразил, как входит через эту дверь, но не украдкой, не ссутуленным вором, пришедшим за объедками с чужого стола, а состоявшимся мужчиной. Таким, который может гордо расправить плечи и зайти в зал ресторана, ни от кого не пряча глаз, а под руку его держит эффектная женщина. Музыка стихает, и все головы поворачиваются к нему.

– Пс-с, Люц! – Сид уже проделал половину пути к двери на кухню. – Ты что застыл? Хватит копать! Быстрее!

– Да-да, – пробормотал Люц и вытащил свой фонарик.

Полумрак удачно скрыл алчные искры в зрачках, которые в силу его молодого возраста еще не успели превратиться в пламя.

Еда в холодильной камере превзошла их самые смелые ожидания. В нижних ящиках горками лежали луковицы, болгарские перцы, помидоры всевозможных размеров и оттенков красного и желтого, огурцы – Люц сразу схватил один и захрустел им так громко, как будто хотел проглотить, совсем не жуя.

В более прохладной части помещения на крюках висело мясо, а на веревках гирляндами свисали сосиски, колбасы и копчености.

Сид срезал ножом два куса сосисочной гирлянды, один бросил ошалелому от голода и счастья Люцу, а во второй впился зубами сам. Сосиски оказались начинены плавленым сыром. «Гораздо вкуснее, – запоздало подумал Сид, когда у него в чреве исчезала пятая сосиска, – да и безопаснее было бы напихать все это в сумку да пожарить на берегу моря». Но терпеть печальное урчание желудка у него больше не было сил.

Они ели и ели, совершенно не заботясь о том, что их животы ревели от изумления и грозились устроить потом взбучку в туалете. Они ели до отвала и тошноты, уже не чувствуя вкуса, но не забывая все-таки набивать сумку блинчиками, ветчиной и головками сыра. Если и оставалось у них еще чувство вины, то оно было съедено где-то между кусками торта «Наполеон» и арбузом.

– Так-так-так, – раздался женский голос за их спинами. – Какие славные человеческие хрюшки.

Люц подпрыгнул от неожиданности, и кусок курицы выпал у него изо рта прямо на пол. Рука Сиды легла на увесистый фонарик на поясе.

Резко зажегся свет, и когда парни проморгались, то увидели, что в дверях холодильной камеры стоит очень красивая девушка. Когда встречаешь таких на улицах, кажется, что они нашли чудодейственный способ нанести на себя всевозможные фильтры Инстаграма и выйти в реальную жизнь. Высокая, статная, с длинными светлыми волосами, узкой талией и зовущими бедрами.

От ее бедер не могли оторвать взгляд они оба. И Сид, и Люц, как зачарованные, смотрели, как девушка переминается с ноги на ногу, отчего ее ноги, втиснутые в тесные джинсы, меняли один аппетитный ракурс на другой. Парни были не в силах толком заглянуть ей в лицо.

– Как мерзко, – сказал второй женский голос, и из тьмы выступила еще одна девушка.

Эписель не пыталась навести на парней морок – легкого животного колдовства ее сестрицы было достаточно, чтобы Сид и Люц замерли с опущенными головами, пуская тонкие нити слюны на пол. Она не любила притворяться человеком даже для того, чтобы зачаровать

жертв. Русалке нравились ее острые зубы, которыми она с легкостью дробила раковины моллюсков; перепончатые пальцы, ломающие шейные позвонки, как песочное печенье; зеленые груди, кормившие морских коньков по весне. Ее же сестра, Марисэль, обожала все людское и тащила к себе в грот утонувшие смартфоны, консервные банки и разбитые пудреницы.

Но одна страсть объединяла двух русалок. Ради нее они время от времени выбирались на охоту на сушу: человеческое мясо, которое они приносили в жертву Морскому королю. Мужское мясо было не в пример вкуснее.

Сид и Люц следовали за двумя русалками, не чуя под собой ног. Сила магнетического притяжения скручивалась, насаживая их на невидимые крючки, и тащила за собой.

Русалки завели молодых мужчин в море прямо со Спортивной Набережной Владивостока. О, этот город был просто идеален для их охоты! Как много пьяных купальщиков летом, как близко от баров в центре до линии прибоя, что была дверью в их дом! Целые битвы русалочьих кланов разворачивались за то, чтобы получить право осенней охоты в тех водах Японского моря, что омывают портовый город Владивосток! Победивший клан целых три месяца, до первых льдин, жировал и охотился, чтобы вдоволь насытить себя и своего кровавого бога, а потом уплыть далеко на север, к Камчатке, и залечь на глубоком морском дне в спячку.

– А ничего, что они только что наелись? – вдруг спросила русалка, любившая принимать человеческий облик.

Она с наслаждением наблюдала, как мать-вода подбирается все ближе и ближе к отупевшим от страсти лицам Сиды и Люца, готовясь навеки залить им легкие.

– Фаршированные даже вкуснее, – трескуче захохотала ее сестра.

С берега вдруг раздался залихватский свист.

– Только не в нашу смену, девочки!

На стороне дозорных Бюро «Жар-птица» было численное преимущество. Ближе всех к воде подошел невысокий парень, у которого к левой стороне лица от носа до кромки кудрявых темных волос у виска налипли кусочки чего-то, что больше всего напоминало битое стекло. Вся щека от этого странно блестела.

За его спиной с мечами наперевес стояли девушки. Высокая и широкоплечая была уже знакома русалкам, и они зашипели, обнажая зубы, при виде ее солнечных очков и тугих рыжих кудрей. Вторая девчонка скрывала волосы под кепкой с козырьком, обращенным назад, а ее лицо, аристократическое, бледное и со сжатыми жесткими губами всем своим выражением намекало на то, что на пути ее меча лучше не становиться.

Последний, четвертый, был мужчиной, который поседел до белизны в свои неполные тридцать лет. Тонкая серая футболка под джинсовой курткой плотно обтягивала твердый пресс и грудные мышцы, намекая, что их обладатель провел очень много часов в спортзале. Легкая небритость и насмешливые карие глаза – даже по меркам русалок он был красивым, если не считать свежий шрам, рассекавший его лоб напополам. Он твердой рукой направил пистолет прямо в сердце одной из русалок, вздернул подбородок, намекая, что не промахнется, и поддерживал напарника:

– Отпустите их.

Эписель на правах старшей заговорила первой:

– Никогда служительницы культа Морского короля не отпустят своей добычи по собственной воле!

Марисэль коротко взвизгнула, поддерживая сестру. Их жертвы замерли, вода уже доставала им до подбородков. Неподалеку закричали кабинки на колесе обозрения, задетые порывом ветра.

Небритый мгновенно выстрелил, и узкая пуля прошла грудь Эписель насквозь, пронзая маленькое серое русалочье сердце. Она упала навзничь, не успев издать больше ни звука, и поверхность воды пошла пузырями пены, растворяя ее тело в крупницы соли.

На этот раз визг Марисэль был тоньше и выше. Она раскрыла пасть, начиненную острыми шипами зубов, так широко, что жабры на ее шее затрещали. Сид и Люц очнулись от морока и начали испуганно озираться, пытаясь понять, что произошло.

Сид обернулся, и две пары янтарных глаз на мгновение встретились.

Раздался оглушающий треск, перекрывший даже вопли Марисэль, и предрассветное небо на миг стало угольно-черным.

Спустя минуту море вспучилось, вздыбилось в воздух. Морская волна замерла над отпрянувшими в страхе существами, но не обрушилась на них. Невидимые руки начали мять ее, как дети мнут вязкие желеобразные лизуны, и вода податливо принимала причудливые геометрические формы одну за другой.

Русалка, повидавшая многое и не боявшаяся никаких штормов или цунами, уже готова была бросить все и в ужасе бежать вглубь суши, как вдруг вода резко опустилась, обдав и ее, и стражей Бюро тучей освежающих брызг.

На дне Спортивной гавани мягко светилась *трещина*. Она изгибалась и шипела, точно разозленный уж, и вытягивала остатки свежести из окружающего пространства. Сид и Люц бесследно пропали.

Несмотря на жару, обительницу подводного мира от увиденного зазнобило. Она, увидев оранжевую полосу рассвета, крутанулась на пятке и исчезла среди радужных пузырьков морской пены.

Рыжая дозорная громко выругалась.

Глава 1. О ЧЕМ Я ГОВОРЮ, КОГДА Я ГОВОРЮ О МАГИИ

Май 2019

– Судом принято решение о применении мер медицинского характера и помещении гражданина Гердова Константина Всеволодовича в стационар общего типа...

К середине ночи обезболивающее перестало действовать. В полузабытьи мне чудилось, что ладони распухли от укусов полчищ пчел. Вены вздулись и впились в кожу изнутри так сильно, что вот-вот были готовы с треском порвать ее. Боль жидкими струями потекла вверх, от кончиков пальцев к самому сердцу, как если бы мое тело облили бензином и подожгли.

В последний раз мне было так плохо, когда в ночном клубе я впервые попробовал кислоту. Остальных ребят накрыло смехом, а мне показалось, что я сейчас сдохну.

Впрочем, на грани жизни и смерти к тому времени я балансировал уже довольно долго, пытаясь утопить свои вечера и ночи в синтетическом веселье наркотиков и алкоголя. Я был хозяином самых сумасшедших вечеринок Владивостока две тысячи четырнадцатого года, постоянно попадая на страницы светских хроник то в обнимку с очередной безымянной девушкой, то с носом, испачканным в кокаине. В отделении полиции у меня была даже любимая лавочка, на которой, впрочем, я редко задерживался дольше чем на час. Но никто не знал истины. Впрочем, кого она будет интересовать, пока есть выпивка?

Психологи связывали мой образ жизни с ранней смертью матери. Как-то я спросил, есть ли какая-то градация – если мать умирает, когда вам тринадцать, вы страдаете сильнее, чем если бы вам на этот момент было бы тридцать один? Такая чушь.

Газеты писали, что модный парфюмер Мария Гердова была пьяна, когда села за руль, и погибла довольно глупо. Конечно, отец сделал так, чтобы газеты с фото намотанной на столб машины не попадались мне на глаза. Одноклассники старались держаться от меня подальше, учителя пытались быть милыми и наперебой совали мне что-то – кто конфету, кто конструктор, кто просто трепал по голове и разрешал не сдавать домашнее задание. Но благодарен я остался лишь своей учительнице по математике, которая после уроков вызвала меня к себе в кабинет и молча протянула газетную вырезку.

Я не стал ненавидеть мир или бояться машин, и это фото, черно-белое и какое-то нереальное, не стояло у меня перед внутренним взором всю оставшуюся жизнь. Но одно мне запомнилось точно: изломанная женская рука, измазанная кровью и кремом моего именинного торта.

Первый раз меня накрыло после похорон. Все утро лил дождь, классическая погода для июня в Приморском крае, и я в каком-то ступоре стоял на лестнице и наблюдал, как в холле нашего коттеджа собираются люди, одетые в дорогие черные наряды. Похороны, конечно, не место, куда зовешь кого-то так же непринужденно и ожидаемо, как на день рождения или свадьбу, но я все-таки попросил прийти единственного человека, которому мог доверять, – ту самую учительницу, что показала мне фото.

За подготовкой к похоронам как-то смазался мой день рождения, который был на следующий день после аварии. Смазался, пожалуй, навсегда, и я предпочитал порой не думать совсем, сколько мне исполняется лет, – тогда мозг не начинал услужливо считать годы без матери.

В тот день, четырнадцатого июня две тысячи девятого, я уснул поздно ночью, когда привык к звукам ливня настолько, что уже практически их не слышал. Тело рухнуло в кровать, тысячи раз пробивая простынь реальности.

Тогда мне и приснились первые сны. Пугающе реальные болезненные сны, от которых хотелось сбежать любой ценой.

Сейчас я слышал миллиарды звуков – пение птиц в Индии, биение сердец королевской семьи Великобритании, распад атомных частиц в северокорейской лаборатории, дыхание астронавта на внеземной орбите. Я чувствовал, как тысячи умирают и как тысячи рождаются за одну секунду, уходящую на мой вдох, я знал, как бьется и пульсирует магма возле ядра планеты за сотни миллионов световых лет от моей койки.

Иногда в гуле и шуме, в единой ноте жизненного цикла, в которую сливалось все-все во Вселенной и далеко за ее пределами, я мог разобрать короткие гудки аппарата, который поддерживал искру жизни в моем головном мозге.

Я силился открыть глаза, которые сдавливала повязка из бинтов, пытался крикнуть, чтобы мне дали еще лекарство или чтобы убили наконец, но вакуум тьмы вокруг был таким плотным, что я едва ли мог понять, удалось ли хотя бы шевельнуть губами. Вокруг не осталось ни запахов, ни ощущений от окружающего пространства – тело стало замкнутой системой, знающей лишь боль. Нота жизненного цикла вливалась в меня, как ядовитый реактив в барабанные перепонки.

Нечто подобное продолжалось каждую ночь, когда я не принимал таблетки, но в этот раз все было гораздо хуже. Ткань моего сна деформировалась, как праздничная упаковка сминается под пальцами маленького ребенка.

Боль отключилась.

Из густой смолы тьмы проступили исполинские кремово-белые колонны. Неизвестный зодчий обточил их основания со всех сторон, сделав ребристыми, как граненый стакан.

Я шел вперед по залу, и шершавые камни царапали мои босые ступни. Из высоких витражных окон лился теплый свет, слишком теплый и реальный для того, чтобы быть просто частью сна.

В центре зала на помосте с четырьмя ступенями стоял большой трон, накрытый светлым прозрачным шелковым покрывалом. По помещению гулял свежий ветер, но ткань не шевелилась, как будто и она, и королевское сиденье были выточены из мрамора и лишь казались тронном и шелковым покрывалом на нем.

У подножия трона спиной ко мне в ряд стояло шесть статуй в человеческий рост. У крайней справа мужской фигуры не было головы, а соседняя так и вовсе была разбита. От нее остались только руки, благодаря которым я и заметил самую большую странность инсталляции: все статуи держались за руки. У соседки разбитой статуи, девушки с пером за ухом, за спиной был лук, далее шла статуя низкорослого юноши с коротким жезлом за пазухой.

Крайние слева изваяния почему-то заставили мое сердце пуститься в радостный галоп. Это были юноша и девушка. Голову парня венчала корона с тонкими короткими зубцами, а девушка с длинными распущенными волосами вздымала руку с обнаженным мечом. Я почти приготовился услышать, как она закричит кому-то: «В атаку!» Больше всего меня поражала работа мастера именно над этой статуей, и я, смотревший этот сон в стотысячный раз, снова задумался о том, сколько же месяцев потратил скульптор на вытачивание из камня каждого завитка роскошной копны.

В этом сне никогда ничего не менялось. Он заканчивался тем, что мое сознание на некоторое время меркло. Затем сон начинался заново – с граненых колонн. Зал, колонны, трон, статуи, меч. Зал, колонны, трон, статуи, меч. Зал, колонны, трон, статуи, меч... Но сегодня сон почему-то продолжался.

Я медленно подошел к статуе воительницы и, повинувшись наитию, положил ладонь на ее каменное плечо.

Ладонь мгновенно прилипла к камню, так крепко, как язык может примерзнуть к металлу зимой. Я дернулся, пытаюсь оторваться от статуи, но руку от кончиков пальцев до плеча прошило острыми иглами.

Пол гулко завибрировал. Задрожали колонны, и кусочки каменной крошки со стуком и шуршанием зашевелились подо мной. Давление воздуха усилилось и навалилось на голову, грозя выдавить глаза и заставить кровеносные сосуды взорваться.

Слепящая, грохочущая вспышка затопила все вокруг, поглощая пространство до последней капли. Под ладонью билось что-то живое.

Все стихло так же быстро и бесследно, как песчаная буря. Сначала вернулось зрение, потом пришла способность сделать глубокий вдох. Я закашлялся и обнаружил, что мою ладонь больше ничего не держит.

Передо мной стояла уже больше не статуя, а живая девушка, точная копия каменного изваяния. Или изваяние было точной копией девушки?..

Камень статуи был выцветшим от времени, пыльно-серым. Сейчас же я увидел, что по плачу на плечах девушки рассыпались кудри цвета пылающего янтаря, такого яркого и насыщенного, словно все костры на свете отдали этим волосам свои силы.

Девушка медленно повернулась ко мне, и чарующие волосы пришли в движение, засияв так ярко, что у меня перед глазами замерцали мушки, как бывает, если слишком долго смотришь на солнце.

– Принеси мне мой меч, – гулким эхом велела она. – Принеси мне мой меч!

...Голова трещала немилосердно. Тело ныло так сильно, как будто все кости перемололо в труху, а врачам пришлось собирать их воедино на горячий клей без обезболивающего.

Тьма перед глазами медленно начала рассеиваться. Никогда не думал, что человеческие веки могут весить столько же, сколько пара чугунных гирь.

Кто-то возился иглой в моей вене, неумело, бесцеремонно, даже со злостью:

– Ну почему, почему именно в мое последнее дежурство здесь?

– А чего ты ждала, когда поступала в медицинский? – второй голос, тоже женский, прозвучал совсем близко от моего уха. – Что ты будешь горшки с золотом выносить из палат? В болезни и смерти есть что-то красивое – без них мы не ценили бы здоровье, жизнь, перерождение.

Веки не реагировали на мои приказы и не открывались, и мне оставалось лишь прислушиваться к их разговору.

– Давай без твоих сектантских проповедей, – девушка закончила наконец возню с катетером и бросила что-то на железный поднос. – В дежурке и так воняет твоими соевыми варениками и капустными котлетами, достала. Герман Петрович...

Вторая женщина наклонилась ко мне так близко, что рукав халата или кончики волос задела меня по лицу. У нее был очень приятный парфюм, шлейф которого тут же осел на моей щеке. Так могла бы пахнуть тягучая желтая живица голубого кедра, который вырос на берегу моря и просолился за десятки лет настолько, что пах одновременно растительной смолой и океанским бризом. Ноты мускуса проступали неявно, но страстно и зовуще, как будто под этим самым кедром, прямо в зарослях пряного розмарина, дикие олени по осени назначали друг другу свидания.

Благоухающая духами девушка шикнула на собеседницу:

– Нас же просили не упоминать имен при пациентах.

Я почувствовал сильный толчок в бок.

– Да этот кролик все равно ничего не чувствует и не слышит. В общем, *он* велел ввести пять кубиков инебриксала¹. Я пойду поем, а ты займись *этим*.

Минут через двадцать я остался один. Боль унялась, словно никогда и не приходила, но на всякий случай я еще некоторое время пролежал без движения. Затем попробовал пошевелить рукой, ногой.

Я содрал бинты с головы и сел. Левая рука, куда вставили катетер, яростно чесалась. Во рту пересохло, и я торопливо схватил стакан воды с тумбочки, но меня так трясло, что половина жидкости вылилась на больничную рубаху. Сознание прояснялось медленно, но быстрее обычного. От бесконечных процедур и инъекций пожелтели и растрескались ногти, а в венах образовались такие плотные узлы, что кровь на анализ взять могли только с большим трудом.

Какой сюрреализм – оказаться в психушке, где меня не пытались уверить, что я болен психически, а, наоборот, объяснили, что я совершенно здоров. И если хочу хоть когда-нибудь отсюда выйти, то должен сотрудничать и рассказать все, что знаю о магии.

Как и каждый второй ребенок конца двадцатого века, начитавшийся книжек о волшебниках, я ждал письмо о зачислении в школу, седовласого наставника и клевый меч (волшебную палочку, на худой конец). Если бы знал, что вместо этого получу амбулаторную карточку с диагнозом «шизофрения», набор небьющейся детской посуды и уродливые резиновые тапочки для душа, то в детстве съел бы свой букварь и отказался учиться грамоте.

В палате площадью тринадцать квадратных метров я прожил к тому моменту два с половиной года – дольше, наверное, в лечебнице задерживались лишь старики и старухи, которых сдавали сюда, в забвение, собственные дети.

В палате была маленькая прихожая, больше для красоты, потому что те, кто приходил ко мне «в гости», – медсестры, медбратья и врачи – не вешали туда куртки и пальто, а своих у меня не было. Из обуви в углу валялась лишь гора резиновых тапочек и бахил. Отдельные ванная и туалет, холодильник с разными вкусами, большой книжный шкаф, набитый всеми книгами, какие я только желал, стол, кресло, высокий торшер – ничто не напоминало интерьер обычной больничной палаты, но кровать окружали беспрерывно пикавшие медицинские аппараты, предназначение которых я понимал крайне смутно, единственное окно было забрано прочной решеткой, а на двери снаружи висел электронный замок. Дверная ручка с моей стороны, естественно, просто не была предусмотрена.

В СИЗО я думал, что хуже него быть не может: серая комковатая баланда на завтрак, обед и ужин (зэки, естественно, получают посылки с едой, но не те, кто кроет матом следователя по своему делу прямо в зале судебного заседания), конвоиры, которые избивают подсудимых так, чтобы на теле не оставалось следов, разводы плесени и «автографы» спермой на стенах.

Свое мнение я изменил, когда суд вынес приговор, по которому меня перевели в психоневрологический диспансер – в психушку, если по-простому. Комната была хорошая, да и едой кормили нормальной, но обстановка сама по себе сводила с ума. В зале для отдыха, где были настольные игры и телевизор, стычки происходили покруче, чем в тюрьме. Любой из психов мог решить, что ты украл масло из его макарон за обедом, и кинуться на тебя, метя зубами в шею. Санитары не спешили никого разнимать. Если на пациентов обстановка действовала гнетуще, то на них – развращающе. Если в тюрьме за лишний синяк на теле заключенного можно было попасть под статью, то здесь за нашей целостностью не следил никто, и работники развлекались как могли, стравливая психов между собой.

Доктора, медсестры и медбратья лечебницы старались не упоминать в разговорах своих имен и практически не называли по именам нас. Себя они не называли для того, чтобы мы не могли пожаловаться, а нас лишали имен потому, что гораздо труднее сломать того, у кого есть имя, а следовательно, и личность.

¹ Инебриксал – дурманящее вещество, применяющееся для ослабления функций мозга.

На этаже, где находилась моя палата, всем заправлял Герман Петрович, которого про себя я называл Троллем из-за зеленоватого оттенка кожи, гнойных угрей на лице и грузной походки. Когда он проходил по коридору, те пациенты, у кого еще сохранялись крупицы разума, старались вернуться в палату или вжаться в стену, делаясь как можно более незаметными при виде немолодого врача с комплексом бога.

Я не раз видел, как он тыкал узловатым пальцем в кого-то из нас, и выбранного человека силком, нередко волоком, уводили в другое крыло. Порой эти люди возвращались с виду такими же, иногда – с забинтованными головами и следами ожогов на запястьях. Это напоминало мне документальный фильм о Йозефе Менгеле, докторе из Освенцима, который жестоко уморил тысячи людей своими научными опытами.

Его мутный взгляд порой скользил по мне, и вслед за этим врач делал какую-то короткую запись к себе в бумаги, а мне оставалось надеяться, что я не окажусь в его распоряжении после следующего обхода.

Не лучше ли было все-таки попасть в тюрьму?..

Палату мне выделили отдельную, без соседей. Убийцам жить полагалось в одиночестве, но я все равно старался спать, держа один глаз открытым. Кажется, к моим психическим проблемам постепенно добавилась и паранойя, но у меня было достаточно времени, чтобы пораскинуть мозгами и понять, что я не мог убить свою невесту.

День за днем я мысленно возвращался в тот солнечный осенний день, который перечеркнул все мои мечты о классной работе, большой семье и детях от любимой женщины. На похороны, конечно, тоже не пустили, но на суде прокурор продемонстрировал ужасные фото, где Агата с расширенными от ужаса глазами лежит на окровавленном ковре. Я не знал, во что мне не хотелось верить больше – в то, что она мертва, или в то, что я мог убить ее.

По мнению стороны обвинения, трагическая смерть моей матери много лет назад оставила глубокий след на моей психике. Что именно поэтому я начал принимать наркотики и пить. Кусочек за кусочком все мое грязное белье вытаскивалось наружу, а когда у отца Агаты прямо перед присяжными случился сердечный приступ, я понял: на свободу мне не выйти.

Что я мог предъявить в свою защиту, кроме своей любви? В глазах двенадцати присяжных, прокурора, судьи и даже собственного адвоката я был богатеньким сыночком, который дошел до логического конца своей распутной жизни.

Накануне переезда в лечебницу на предплечье при помощи пружины от матраса я глубоко выцарапал одну-единственную фразу: «Кто?», чтобы она стала моим якорем, вопросом, ради которого мне предстояло выжить. Чем бы меня ни накачивали, чем бы ни пичкали, я должен был выяснить: если не я, то кто тогда убил?

Таксист-маньяк Петрович, который тоже попал в психушку по приговору суда, за два йогурта и пачку чая научил меня делать заточки из практически любых подручных средств, а также поделился житейской мудростью:

– Что такое убить в беспамятстве, Костик, я знаю, сам такой и других знавал. Не похож ты на одного из нас, парень, и лучше-ка подумай: если ты зря тут сидишь, то кому мог насолить?

Через пару месяцев Петрович умер. Поговаривали, что он прорастил в йогуртах какой-то редкий вид грибка и им отравился. Конечно, человек, убивший пятнадцать девушек, – крайне неподходящий кандидат в друзья, но я, глядя на черный мешок, который пронесли мимо по коридору, пообещал себе, что я в этих стенах не умру, и продолжал рассказывать врачам небылицы о цветочках и бабочках из своих снов. Откуда-то я знал, что девчонку, которая просила принести меч, предавать нельзя.

С видом из окна мне, можно сказать, повезло – каждый день можно было видеть закат над морем и Золотой мост, вереницы машин, вечером похожие на яркие новогодние гирлянды. Я мечтал оказаться в одной из этих машин.

Самое красивое время, чтобы прилететь во Владивосток, – это за пару часов до заката. Когда такси из аэропорта помчит вас наперегонки с чайками по бетонному росчерку низководного моста через Амурский залив, вы увидите, как солнце играет на мятой серебристой бумаге волн. Через потеки акварели и резкие завитки пастели проступят кремово-синие полушария суши вдаль, а свист машин перемежат гудки катеров на море. В воздушных текстурах города намертво застрял ленивый сизый дым от мусоросжигательного завода и немногочисленных производств, который становился ярче и темнее в туманную погоду и хмуро бледнел в солнечную.

Навскидку это был либо пятый, либо шестой этаж – в те редкие дни, когда меня с несколькими санитарями выводили на улицу погулять, а на глаза надевали плотную кожаную повязку, я считал ступени, по которым мы спускались и поднимались. Почему–то на спуске ступенек получалось на четырнадцать больше – вероятно, на улицу и с улицы вели разные пути.

В палате всегда пахло странным стерильным воздухом, какой обычно бывает в крупных аэропортах со сложными системами кондиционирования, и порой санитарам приходилось придерживать меня под локти, когда в мои легкие попадал неотфильтрованный воздух внешнего мира.

Больше всего я любил баннер наружной рекламы, который обновляли каждый понедельник. Мне было все равно, что именно пытались продать людям с его помощью – кастрюли со скидкой тридцать процентов, новые «Лексусы», эпиляцию интимных мест или лечение в Корее, но каждый я выучивал наизусть и мог легко сказать, какая реклама появилась в сорок пятый понедельник моего пребывания в больнице – натяжных потолков или мясных консервов для собак. Благодаря этому баннеру я знал, что наступила новая неделя, я знал, что жизнь движется – ведь людям пока есть что продавать и что покупать.

По субботам мне приносили газеты за неделю и принимали заказы на книги, прессу, еду и разные вещи на следующую неделю. Проверяя свои возможности, на пятой неделе здесь я заказал книгу по квантовой физике на вьетнамском языке, бутерброд с черной икрой, клей и зажигалку. Книгу и бутерброд мне принесли спустя несколько часов, а вот просьба об остальном осталась невыполненной. Я не забывал: я привилегированный, но пленник.

В открытую медикаменты мне почти не давали, но я знал – они все подмешаны в еду. На десятой неделе я пробовал голодать и ощутил, что у меня, наоборот, прибавилось сил, а разум стал соображать четче и быстрее. Тогда санитары избили меня в первый раз – избили, а затем ложка за ложкой затолкали в рот сладкую комковатую овсяную кашу, которая отдавала железистым привкусом крови из разбитых губ.

Мои сны были до болезненного реальными. Иногда я приходил в себя с мечом в руке на огромном поле брани. Но вокруг не кипела война, война уже была окончена: в небе уже заливались вороны, а самые смелые из них кружили, спускаясь все ниже и ниже. Я брел вниз по пригорку, поросшему жухлой осенней травой, и видел у его подножия огромное поле. Я видел поваленную лошадь, у которой прямо из глаза торчала стрела. На губах лошади еще не обсохла желтая пена, а под ее ногами слабо трепыхалась и негромко выла придавленная собака.

Вокруг древка стрелы роились мухи, и я, сдерживая тошноту, двигался дальше.

Начинали попадаться мертвые тела людей, одетых в кольчуги и шлемы. И не только людей: поваленные знамена до последнего защищали очень рослые воины, которые могли быть орками, эльфами, гоблинами или кем-то в этом духе. Из-под промятых шлемов виднелись буро-синего цвета раздвоенные подбородки, а рукавов на кольчугах было сразу три или четыре. В каждой лишней руке павшие сжимали по сабле или цепу, и оружие в основном было сплошь окровавленным, с налипшими волосами и кусочками чего-то серого.

Сухой шелчок – и происходила смена картин. В легкие врывался морской ветер, и я находил себя на огромном деревянном корабле, наподобие тех, что показывают в фильмах о пиратах или засовывают в виде многократно уменьшенных моделей в стеклянные сувенирные

бутылки. Ревели волны, стонали шпангоуты, где-то за спиной суровый мужской голос командовал лево руля. Я приходил в себя связанным, и кто-то, чьего лица я не видел, толкал меня в спину к длинной доске, одним концом уходящей в море.

Эти сны мучили меня ночи напролет. Ничто не помогало отключить их, и какой-то друг посоветовал одни таблетки, потом в ночном клубе продали порошок – и пошло-поехало. Наркотики и рецептурные медикаменты помогали мне вырвать свою ночь отдыха без сновидений, но покоя не приносили. Тогда я еще не знал, что никакой наркотик не сможет излечить меня от магических снов, и просто потихоньку пускал свою жизнь под откос.

С Агатой мы познакомились в клубе. Это была одна из безумных вечеринок, для которых я снимал какое-нибудь заведение на пару дней подряд, чтобы можно было не уезжать домой и не собирать всех заново. Алкоголь, легкие наркотики и витиеватые биты техно ударяли по мозгам, выбивая все мысли и сонливость напрочь, и я знал, что сон после будет спокойнее и крепче. И практически без видений.

Играла какая-то песня, мало похожая на музыкальную заумь, которая понравилась бы тем, кто вечно недоволен Лободой в клубах, но такая, под которую танцевали абсолютно все.

Она стояла с подругами – как позже я узнал, Агата играла в женской команде по американскому футболу и стала героиней матча между владивостокским университетом и хабаровским, выполнив триумфальный тачдаун на последних секундах. В клуб они пришли праздновать победу.

Все было, как в фильмах, когда на дискотеке девушка на мгновение вскидывает голову, звонко смеясь, и на ее лицо падает луч неоновой прожектора. Парень видит ее, и земля уходит у него из-под ног. Все звуки исчезают, дыхание останавливается, сердце замирает в какой-то самой высшей точке из возможных и с гулким грохотом, как молот на наковальню, падает и не достигает дна.

Я просто подошел к ней и увлек танцевать. Одна песня сменилась другой, мы отошли поговорить за бар, забыв о своих компаниях, и я понял, что влюблен. Просто и бесповоротно.

Она была первым человеком, который увидел во мне меня. За мишурой вечеринок, звонком бутылок и шорохом купюр. До нее я был готов отдать любые деньги, чтобы не видеть сны о магии, с ней же я перестал бояться ночи. И начал меняться. Сначала на задний план ушли вечеринки, потом я согласился на центр реабилитации, затем сдал экзамены и поступил на журналистику. И Агата все это время была рядом со мной, что бы ни случилось.

Шли месяцы, и однажды, на следующий день после того, как мы закрыли зимнюю сессию, я пригласил Агату домой, чтобы познакомить с отцом.

По всему дому зажгли свечи в канделябрах, а столовое серебро начистили до блеска – как и многие олигархи девяностых, отец любил старинные иконы и имел дворянские замашки. Агата явно чувствовала себя неуютно, но старалась этого не показывать. Она вежливо поддерживала диалог с моим отцом о политике и экономике, пробовала блюда, которые прислуга выносила к столу, сделала комплимент платью и украшениям моей очередной мачехи – девочки чуть старше нас самих, которая сияла золотыми кольцами и браслетами, как новогодняя елка, но не отводила пустых глаз от своей тарелки.

Я помню, как сделал глоток вина – тогда я уже был около трех месяцев на реабилитации – реабилитации, которую мы прошли вместе, – и это был первый глоток алкоголя за очень долгое время.

В следующее мгновение яркое пламя свечей слилось в одно сплошное желтое марево, в ушах зазвенело, и что-то смачно ударило меня по затылку.

Первым ощущением, проступившим в багровом мраке померкшего сознания, была боль, моя верная спутница. Саднило голову, болели голени и запястья, кистей рук и ног я не чувствовал. Меня так туго запеленали в смирительную рубашку, что кровоток почти прервался, ноги широко развели и пристегнули к углам кровати. Я лежал так дня полтора, сначала кричал

во всю глотку, а потом охрип и мог лишь сипеть сквозь пересохшие губы. Переводу в общую камеру я не препятствовал.

Суд присяжных единогласно признал меня виновным в убийстве Агаты. По свидетельству отца и моей мачехи, я внезапно схватил нож, которым резал мясо, и вонзил своей невесте прямо в сердце. Вопрос, как обыкновенный маленький столовый нож может быть таким острым, чтобы пронзить грудную клетку, не задал даже мой адвокат.

Родители Агаты посчитали приговор мягким. Весь суд я молчал, прилюдно не каялся, но меня признали психически больным и после вынесения приговора перевезли в лечебницу. В лечебницу, где хотели знать все, что знал я.

Я оказался антимагом. Но обо всем по порядку.

Глава 2. СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Май 2019, той же ночью

Кто эта девушка и где мне взять ее меч?

Похоже, очередной приступ накрыл меня поздно вечером. Я подошел к окну и увидел, что уже стемнело и зарядил первый майский дождь, порой переходящий в град, – в ночь на первое число мая.

Крупные капли бились об отлив окна, и я мечтал открыть окно, протянуть руку наружу, ощутить холодную свежую воду на своей коже. Вспоминал ли когда-нибудь отец обо мне? Хотя бы когда подписывал счета из больницы? Или он оплатил сразу наперед, чтобы до конца своих дней не беспокоиться о сыне?

...Электричество рваными толчками бежало по проводам, заставляя свет в окнах домов мелко-мелко дрожать. Хоть и привычный к смене настроения у духов погоды, в ту ночь Владивосток никак не мог уснуть...

Я поморщился от видений, которые резкими яркими картинками всплывали перед моим внутренним взором.

...Верхушки города – дома на сопках, пилоны мостов – то и дело освещались яркими вспышками молнии, а низы – трасса и склады – планомерно заливало бурлящей водой. С мостов в стонущее море изливались потоки воды. Злой дождь крупными каплями изо всех сил бился в оконные стекла, стремясь проникнуть в прохладные квартиры домов. Ветер пытался повеситься на деревьях, притягивая их все ниже и ниже к земле, и те кренились, трещали и падали...

Раздался стук в дверь, и я с усилием стряхнул с себя оцепенение. Видения порой делали головную боль невыносимой.

Дверь плавно закрылась за девушкой чуть старше меня. Рыжие кудрявые волосы тяжелой копной падали ей на спину, делая ее слегка похожей на девушку-статую из моих снов, а короткий белый халат, из-под которого торчала простая черная футболка, выглядел слегка нелепо. Правой рукой она опиралась на алый зонт-трость.

Я видел ее впервые, но почувствовал аромат знакомого парфюма и постарался ничем не выдать свое любопытство. Для выживания в больнице одно я уяснил точно: чем более узкий диапазон эмоций ты показываешь, тем меньше риск получить лишний укол транквилизатора.

Поэтому я сухо поздоровался и отвернулся к окну, позволяя ей самой завести разговор, если понадобится. Но мне не терпелось узнать, кто она и зачем пришла. Жизнь в больнице не была наполнена яркими сюрпризами или хоть какими-то приятными событиями.

Первое время меня накрывала тоска по живому общению, хотелось услышать еще чей-то голос, кроме своего собственного. Но шли месяцы, и кроме редких ругательств от врачей и других работников, я не слышал ни слова. Порой тишина становилась пугающей и звенящей, будто возле уха кружит какое-то мелкое насекомое.

В те два или три раза, которые меня навещал отец, я предпочитал молчать уже по своей воле. Внешне мы были совершенно не похожи: я был кудрявым шатеном, который к двадцати трем годам вырос едва ли выше среднего мужского роста, а его образ с самого детства отпечатался в моих воспоминаниях прямо противоположным – высокий блондин, в прошлом капитан университетской команды по баскетболу, во всем успешный бизнесмен, который даже по выходным надевал один из десятков своих серых в тонкую полоску костюмов и отправлялся куда-то на машине с шофером.

Специально для него откуда-то приносили черное кожаное кресло, и он сидел напротив меня и пил ароматный кофе с круассанами – для меня кофе, чай и любые «бодрящие» напитки были недоступны. Впрочем, к тарелке с выпечкой отец никогда не прикасался, считая мучное и сладкое мусором для организма, и я был уверен, что круассаны приносили больше для антуража.

Первые минуты он сидел молча, разглядывая меня, как картину в художественной галерее – оценивающе, очень оценивающе, как будто взвешивал, стоит ли вкладывать в меня деньги.

– Ты молодец, Костя, – говорил он и улыбался мне над чашкой. – Ты согласен лечиться, живешь в этом чудесном и безопасном месте. Здесь тебе помогут, тебя вылечат, и ты сможешь присоединиться к нам в загородном доме и снова играть с собаками – помнишь, как ты любил валяться с ними на траве в детстве?

Я старался делать вид, будто этого человека нет в палате: листал книгу, уходил к окну, ложился на кровать, делая вид, что решил лечь спать. Говорят, будто бы любовь – это самое сильное чувство. Во мне же не осталось ничего, кроме ненависти. Тот, кто убил Агату, был тогда с нами в комнате. Был ли он тем же, кто хотел узнать все о магии из моих снов?..

– Как самочувствие?

Женский голос прозвучал так звонко и неожиданно, что я дернулся.

Прежде чем ответить, я все-таки развернулся к медсестре, чтобы рассмотреть ее повнимательнее. Теперь я заметил, что на ней были солнцезащитные очки, несмотря на то, что мы находились в помещении. Высокая, широкоплечая и спортивная, с узким лицом с созвездием родинок над губой, под глазом и на виске.

– Голова очень болит, спасибо, что поинтересовались. У вас не найдется таблетки?

Она обходила помещение, медленно приближаясь ко мне, осторожно поглаживая стены и полки кончиками пальцев. Она не крутила головой, осматриваясь, исходя из чего я невольно решил, что она подслеповата, потому и скрывает глаза за очками.

– Я бы не советовала пить что-либо из лекарств здесь. Если, конечно, ты не хочешь добиться усиления головной боли и проспять день кряду.

– Обычно медсестры здесь, наоборот, очень внимательны к моему распорядку приема лекарств.

Я предпочел не уточнять, что за отказ принять таблетку можно было получить по печени или угодить в карцер с мягкими стенами. Мои пальцы нащупали маленький тайник под подоконником, где был спрятан маленький нож из рыбьей кости – серьезного вреда не нанесет, но артерию проткнуть способен. Я не питал иллюзий: когда отец поймет, что лишит меня разума не удалось, он попытается избавиться от меня более радикально. Целей я его не знал, но понимал, что остался с этим миром один на один. Свой ответ на вопрос «Кто?» я нашел. Нужны были лишь доказательства.

Я узнал этот голос: это была та медсестра, которая сегодня ухаживала за мной во время припадка.

– Если бы ты был более внимателен к своему распорядку приема лекарств, то заметил бы, что очнулся после припадка быстрее обычного, – рыжая медсестра плюхнулась в мое кресло и пролиставла книгу, которая осталась лежать открытой на столике. – «Чума» Камю, впечатляет.

– У меня освободилось немного времени, чтобы заняться саморазвитием, – сказал я. Рыжая усмехнулась.

Усмехалась она забавно – чуть дергая одной щекой и как бы одобряя удачную остроуту.

– Тебя постепенно подготавливали к медикаментозной коме. Есть такое средство, называется «эликсир Спящей Красавицы». Пара удивительно простых химических соединений, и если в течение месяца понемногу увеличивать дозировку, в одно прекрасное утро человек не проснется.

– Но кому это нужно, обкалывать меня какой-то дрянью?

Мои пальцы по-прежнему лежали возле щели между стеной и подоконником. Иногда старые дома сами приходят на помощь своим узникам, растрескиваясь и проседая в самых неожиданных и удобных местах.

Среди моих самых страшных кошмаров была фантазия о том, что потолок этой больницы станет моим последним воспоминанием перед смертью. Не раз по ночам я просыпался и не хотел засыпать обратно, потому что ко мне приходила Агата. Она обнимала меня и утешала, говоря, что случившееся – вовсе не моя вина. Затем моя покойная невеста выпускала зубы и впивалась мне в горло, разрывая трахею.

– Благодарить или нет, дело твое.

– Тогда чем обязан визиту? – кажется, за неполные десять минут я произнес больше слов, чем за последние полгода.

– Тебе здесь нравится?

Я сделал вид, что задумался.

– Невозможность выйти наружу и зуботычины по праздникам – что может быть лучше? Хотите присоединиться и подыскиваете палату? Уж простите, эта занята, а близкое соседство я не люблю.

– Тебе, я так погляжу, не об кого было жало поточить?

Рыжая хмыкнула и закинула ногу на ногу, даже отдаленно не напоминая человека, который у моей кровати рассуждал о красоте жизни и благодарности смерти. Длинные пальцы с короткими ногтями без намека на лак постучали по ручке зонтика.

– Нас с тобой кое-что объединяет: мы оба ненавидим одного и того же человека.

– Кого же?

– Твоего отца. Интересно, ты так же часто представляешь, как ломаешь ему хребет позвоночник за позвоночком, как это делаю я?.. – будничным тоном поинтересовалась она, словно спросила, какой сыр я люблю больше – чеддер или гауда.

Зонтик едва слышно скрипнул по полу.

Я предпочел промолчать, и она невозмутимо продолжала:

– Кулик Всеволод Ильич, владелец авторемонтной мастерской и крупной логистической компании «Полярная звезда». Честный бизнесмен и меценат, пожертвовавший на реставрацию церкви в Уссурийске десять миллионов рублей. Примерный семьянин и почетный болельщик «Адмирала». В этом году участвует в гонке за кресло мэра города Владивостока.

Я сдержал усмешку. На власти отец был помешан всегда, контроль и подчинение он считал самым важным как в бизнесе, так и в семейных отношениях. Моей матери он до самой ее смерти припоминал, что это был ее второй брак, что он, дескать, такой благородный и милосердный, взял ее, «порченную», снова замуж. Мать скользила по дому тенью той улыбчивой женщины со старых фотографий, и после того, как произошла авария, я иногда думал, что она принесла ей освобождение. Горе городу, где человек, подобный моему отцу, может стать мэром. Пожалуй, в его систему ценностей, где верховодили деньги, власть и красота, магия вписалась бы как нельзя лучше.

– Как там его новая женушка? – поинтересовался я.

У отца была репутация Синей Бороды: за десять лет после смерти моей матери он был женат несколько раз, и ни один брак не продержался дольше нескольких месяцев. Настя Полозова, дочь владельца мясокомбината, сломала шею, катаясь на лошади. Лика Борцова умерла от сердечного приступа и оставила отцу в наследство авторемонтную мастерскую. В больницу я попал при четвертой жене, Карине Красноветровой, с которой отец познакомился на отдыхе в Таиланде. Девчонка была ничем не примечательна – никакого богатого наследства или дворянских предков, но, пока длилось следствие по моему делу, они поженились. Чем отец брал этих женщин – деньгами ли, харизмой ли, мужской ли силой – я искренне не понимал.

– С Мариной уже что-то произошло?

Она мне нравилась – единственная, кто не считал меня сумасшедшим, единственная, кто считал, что, возможно, мне достался редкий природный дар. Когда я просыпался по ночам и заходил в крике, Марина приходила и сидела на моей кровати до тех пор, пока я не засыпал вновь. Впрочем, это не помешало ей утопить меня своими показаниями на суде.

– Ее растерзали собаки еще два года назад.

– Вот как...

Смерти всех жен моего отца выглядели как случайные. Никто не застрахован от взбесившейся лошади или болезни сердца, но я чувствовал, что эти женщины умирали неспроста. С каждой смертью отец получал какой-то бонус – капитал или какой-то прирост в бизнесе.

– Вы не из полиции, ведь верно?

Рыжая сидела расслабленно, явно ощущая, что целиком и полностью владеет ситуацией. Я подумал, что она вряд ли привыкла иметь под началом большое количество людей или отдавать приказы, скорее, любит действовать в одиночку.

– Нет, я не из полиции.

– Тогда кто вы? – нарастающее любопытство становилось все труднее сдерживать.

Вариантов было немного. Журналистка? Вряд ли. Она должна обладать очень хорошими связями, чтобы подделать документы и оказаться в таком тщательно охраняемом месте, как эта больница. Более того, гостья четко знала, в чью палату ей необходимо попасть. У нее было много ценной информации, но она не торопилась говорить, что именно ей известно. В конце концов, секрет, который знают многие, уже не секрет, а новость. Частный детектив? Пожалуй, это уже больше походило на правду. На кого она работает? На конкурентов отца? Чтобы накопать на моего отца грязи, глубоко в землю вонзать лопату не понадобится, достаточно лишь присмотреться и прислушаться. Вот только все те, кто держал глаза раскрытыми, с легкостью могли их лишиться.

– Я работаю в месте, которое ты можешь называть Бюро, – рыжая говорила медленно, взвешивая, обдумывая и подбирая каждое слово. – Мы занимаемся расследованием нестандартных преступлений.

– Вы считаете, что мой отец совершил преступление? – я затаил дыхание.

Вот оно. Вот оно! Ответ, который я так жаждал получить?..

Гостья жестом показала на кровать:

– Может быть, ты присядешь, и мы поговорим?

Я помешкал несколько секунд, прежде чем отойти от окна и сесть на кровать.

– Так вот, – продолжала она, – за твоим отцом мы ведем наблюдение уже несколько лет, и Марина Красноветрова была нашим агентом. Она намеренно познакомилась с ним, чтобы втереться в доверие.

– А от меня вы что хотите?

К этому моменту я был готов пойти на что угодно, чтобы не упустить свой шанс выбраться, но не хотел показывать это.

– Ты должен помочь мне проникнуть туда. У меня есть план дома, составленный Мариной, но он может быть неполным. И быстро сориентироваться там сможешь именно ты.

– Допустим, я помогу вам. А что я получу взамен?

Я был совершенно не против помочь им посадить моего отца, однако понимал, что простая месть не удовлетворит меня. Я хотел знать правду о том, что произошло два с половиной года назад. Точно ли мой отец убил Агату? И зачем?

– Свободу, – просто сказала рыжая. – Похоже, ты умный мальчик. Он запер тебя здесь, чтобы получить контроль над состоянием твоей матери. Она завещала все, что имела, тебе. Пока тебе не исполнилось восемнадцать, твой отец имел право распоряжаться ее деньгами. Сейчас он делает это как опекун душевнобольного сына. Ты в курсе, что Всеволод даже бла-

готовительный фонд помощи больным наркоманией успел учредить?.. Интересно, как много денег ушло, чтобы сделать кучу липовых справок, подкупить присяжных и упечь тебя сюда? Даже студент первого курса юрфака скажет тебе, что твое дело шито белыми нитками.

Я предпочел умолчать, что видения, якобы подтолкнувшие меня к убийству, посещали меня вполне по-настоящему.

– Я в деле. Полагаю, вы можете помочь мне получить бизнес, деньги? – из соображений трезвого расчета вести нищенский образ жизни я не хотел. – Сделать документы и снять с учета?

– Ты многого хочешь, парень, – уголком рта усмехнулась девушка. – Но нам и правда без тебя не справиться.

– Тогда введи меня в курс дела и назови свое имя, – предложил я.

Странная посетительница, которая, конечно же, не была никакой медсестрой, заинтриговала меня. Ее речь казалась правильной, но за ее словами стояло что-то, недоступное моему пониманию. Какое-то Бюро, какие-то люди, какие-то интриги, о которых я не имел понятия. Но это заводило, дико заводило меня. В конце концов, что мне еще оставалось делать?

– Для начала нам надо отсюда выбраться, – покачала головой девушка. – А называть меня можешь Полуночницей. Готов рискнуть жизнью?

– Ради этого и живу.

На самом деле я ощущал сильную тревогу.

– Надо бы заехать в магазин за бритвой, – Полуночница поморщилась, глядя на мою порядком отросшую бороду. – Сейчас мы выйдем в коридор и пройдем до лестницы на северном конце здания, там по ночам только один охранник.

Я собрался было спросить, где же именно у лечебницы северный конец, но проглотил свой вопрос, натолкнувшись на ее взгляд.

Девушка наконец сняла солнечные очки. Они скрывали яркое бельмо на левом глазу, похожее на набухший влагой туман – такой обычно запечатлевают для журналов о путешествиях фотографы где-нибудь в Северной Америке. На таких снимках сероватая дымка наплывает на стоячие воды озера, слегка зеленоватые от накопившихся минеральных веществ, и сотворенный природой контраст белого и сине-зеленого завораживает зрителя очень надолго.

Именно такой глаз был у Полуночницы. Когда я заметил его, время на пару мгновений остановилось, и я ощутил покалывание в желудке, а затем она отшатнулась от меня, быстро протирая слезившиеся глаза. В здоровом глазу, серо-голубом, на мгновение вспыхнула враждебность, а затем погасла. Контроль собственных эмоций, похоже, давался Полуночнице на все сто.

– Иди за мной и не отставай, делай, что я скажу, – отрывисто бросила она. – И помалкивай.

Полуночница нервно тряхнула своей роскошной гривой волос и коснулась рукой двери.

Створка бесшумно отъехала в сторону, и я выскользнул вслед за ней в коридор.

Девушка быстро покрутила головой, оглядывая коридор, и двинулась направо.

Коридор был коротким – всего несколько дверей и тусклые светильники, из-за которых наши крадущиеся фигуры отбрасывали странные кривые тени. Я вздрогнул, когда за одной из дверей кто-то заскулил и начал об нее биться: внушительный амбарный замок с угрожающим лязгом зашатался в скобах.

Следующий коридор начинался за мощной железной дверью с окошечком на уровне моего лица. Он был заметно длиннее, светлее и прохладнее предыдущего, и сквозняк мгновенно пробрался под мою легкую пижаму. По стенам, выкрашенным в тошнотворный серо-болотный цвет, то тут, то там выступили капельки воды, а доски под ногами издавали режущий ухо мяукающий звук, если наступишь не под тем углом.

Полуночица обернулась и показала пальцем себе на ноги. Дальше мы двигались след в след: девушка удивительным образом знала, какая половица скрипнет, а какая нет.

«Из нее получилась бы неплохая воровка», – подумал я. Она как бы перетекала из тени в тень, уверенная в себе, но осторожная, удивительно грациозная при достаточно высоком росте и атлетическом телосложении.

Внезапно девушка замерла, уставившись в пустое пространство перед собой, затем схватила меня за плечо и впихнула за ближайшую к нам дверь.

Ее шершавая ладонь прикрыла мне рот, приказывая, чтобы я не издавал ни звука. Мои ноздри защекотал запах ромашкового мыла, и пришлось на некоторое время задержать дыхание, чтобы не чихнуть в самый неподходящий момент.

К счастью, все обошлось, и человек, от которого мы поспешно спрятались, прошел мимо, довольно талантливо насвистывая себе под нос какую-то песенку. В комнате, где мы оказались, было очень темно, и единственным источником света была полоса из-под двери, на которой я сосредоточился, пытаясь понять, не прошел ли он слишком близко от нас.

Снаружи все стихло, как вдруг чье-то смрадное дыхание коснулось моей шеи, а в щеку ткнулось что-то колючее и одновременно очень липкое, как подсыхающая жвачка. Кожа мгновенно запылала болью, словно это был ожог, и рука Полуночицы исчезла с моего рта, метнувшись куда-то вверх и в сторону.

Раздался тихий треск, как будто кто-то зубами перекусил хрящик у жареной курицы, и что-то тихо-тихо закапало на пол.

– Что это было? – сердце от напряжения и страха еле-еле билось в моей груди.

– Лондонская шуршащая гусеница, – отозвалась Полуночица. – Поверь, лучше не знать, как она выглядит. Пряталась за притолокой, я не успела ее заметить.

Я хотел было спросить, как вообще можно было что-то увидеть в этой крошечной тьме, но рыжая уже открыла дверь и просочилась обратно в коридор.

Чтобы немного снять напряжение, я, пока мы шли из палаты, мысленно считал шаги, не сбившись, даже когда эта странная тварь попробовала меня на вкус. По всему выходило, что в эту часть здания я ни разу не попадал.

Двери вокруг были одинаковые, такие же, как и у моей палаты. Как много людей томилось за ними? По какой причине? На одной двери красовался амбарный замок, другую сплошь завесили святыми распятиями разных калибров, а третью наискось пересекали размашистые глубокие царапины. В какой лечебнице можно встретить такое?

Выбор был невелик: либо довериться Полуночице, либо остаться здесь и сгинуть с репутацией безумного наркомана и убийцы. Мысли о том, что не осталось в этом мире человека, которому было бы до меня хоть какое-то дело, могли бы утянуть меня вниз, в пучины сумасшествия и отчаяния. Я позволял себе думать лишь о справедливости и о мести. «Кто?»

С электронным замком на двери, которая вела на лестницу, рыжая справилась играючи, нажав на несколько кнопок. Мне уже начало казаться, что выбраться из лечебницы будет достаточно несложно, но, когда Полуночица взялась за дверную ручку, желание выйти наружу внезапно испарилось.

Ему на смену пришло жгучее желание сесть прямо на пол, обхватить колени руками, спрятать туда лицо и замереть в позе эмбриона на ближайшие несколько тысяч лет. Апатия окутывала меня, точно дурной запах, пускала колючие корни в каждой клетке моего тела, душила и повергала на колени.

– Вот так, мой дорогой, – проворковал женский голос где-то совсем рядом. – Не борись с этим, дай тетушке отнести тебя в кроватку... Наденем чистую пижамку, и ты поспишь...

Коридор поплыл, заморгал, замерцал, веки слипались, а тело стало таким мягким и невесомым, будто из него исчезли все кости.

Пощечина Полуночницы огрела меня по лицу с такой силой, что я не сразу сообразил, что это всего лишь ладонь, а не раскаленный утюг. Я больно врезался в стену плечом и сполз на пол. Дурман от лекарств все еще не проходил, и подняться удалось с трудом.

Весь отрезок коридора, который мы уже прошли, поглотила прозрачная студенистая масса, которая сантиметр за сантиметром продвигалась вперед, как паста из тюбика, с чавканьем всасывая в себя пространство. Внутри нее, как в невесомости, покачивались стулья, шприцы и, будто призрак, болтался медицинский халат с широко распахнутыми нам навстречу полами.

– Что это за дрянь? – спросил я, поднимаясь.

Желе подкрадывалось неторопливо, но до нас ему оставалось уже метра четыре. Наваждение, похожее на действие сильного седативного, ослабло, но где-то в темечке все еще ощущалась сонливость.

– Это причина, по которой я сказала, что у северного выхода только один охранник, – мрачно ответила Полуночница. – Встань за мной, будь добр.

– Это магия?

Тело начало вырабатывать адреналин, и отсиживаться в сторонке мне не хотелось. Как долго я не чувствовал себя таким живым и настоящим! Я огляделся в поисках чего-нибудь увесистого, но тут же сообразил, что против желейного монстра этот номер не пройдет. Так они не просто хотели знать о магии. Они умели ее применять.

– Это магия, – как-то нехотя признала Полуночница, и ее появление в моей палате начало обретать подлинный смысл.

Ну конечно. Если в этой чокнутой Вселенной существует магический мир, по закону жанра там должен быть баланс темных и светлых волшебников, две враждующие стороны. Я предпочел считать, что на моей стороне те, кто сильнее.

– Если чем-то срикошетит прямо в твою дурью башку, пеняй на себя.

Пока мы переговаривались, желе подползло еще ближе, и в нос ударил его запах.

Остро воняло безнадежностью зайца, умирающего в пасти волка и прелой осенней листвой. От желе несло формальдегидом морга, пластиковой зеленью погребальных венков, и по рукам у меня поползли мурашки, заставляя волосы встать дыбом. Эта тварь явно была чем-то живым, и мне очень захотелось, чтобы она оставалась живой уже как можно меньшее количество времени.

Полуночница откинула рыжую гриву за спину, и доски пола противно закрипели, когда она расставила ноги пошире, чтобы занять более устойчивую позицию.

– *Слово есть в Солнце, Слово есть в Луне. И вот мои Слова: Логос, повинуйся мне.*

Она простерла перед собой правую руку, а левой вытащила из кармана увесистую зажигалку.

– *Нарекаю* тебя отправиться туда, где всегда *холодно*.

С этими словами она одним движением большого пальца откинула крышку зажигалки в стальном корпусе, напоминавшей «Зиппо», и дунула на огонек.

Я не мог поручиться, был у нее во рту обыкновенный воздух или все-таки бензин, потому что спустя секунду маленький огонь зажигалки взорвался целой струей ревущего янтарного пламени, такого сильного и могущественного, что от его жара у меня вспыхнули брови, усы и борода. Пламя разъяренным тигром скакнуло вперед, очищая воздух от смрада уныния и смерти. Огонь пах теплом, летом, свободой и полем с солнечными одуванчиками. Нечто подобное, наверное, испытывают верующие, когда их охватывает молитвенный восторг, и я, как первобытный человек, впервые познавший благодать огня в очаге, согретой пещеры и тушеного мяса, наблюдал, как он рвет на куски и растворяет кровожадный студень.

Мне хотелось, чтобы очищающий огонь проглотил это здание, стер его вместе с моей памятью, и на миг я поверил, что он способен изменить мое прошлое, сжечь дотла все его страсти, которые не хотелось ни переживать заново, ни хотя бы время от времени перечитывать.

Но огонь схлопнулся обратно до размеров светлячка и с жужжанием вернулся в недра зажигалки. Полночица закрыла крышку, стерла рукавом бисеринки пота со лба и спрятала опасную игрушку обратно в карман.

– Не уверена, что это последний сюрприз, который нам приготовили, – сказала рыжая и открыла дверь на лестницу. – Ты идешь или так и будешь стоять?

Больничные шлепанцы звонко хлопали меня по пяткам, не давая спускаться так быстро, как я бы того хотел, и я то и дело оглядывался назад, чтобы проверить, нет ли за нами погони. Магия. Магия. Она все-таки существует.

На последнем пролете, возле двери, наполовину заваленной рухлядью, нас уже ждали.

– *Procrustes vulgaris*, какая редкость в наших краях.

Моего слабого знания латыни хватило, чтобы понять, что сказала Полночица: *Прокруст обыкновенный*.

Герман Петрович стоял спокойно, я бы сказал, даже расслабленно, одной полуулыбкой намекая на угрозу.

От двух существ, которых он держал на поводках, кровь стыла в жилах: тонкая пергаментная кожа плотно обтягивала их черепа, и было заметно, что зубов в нижней челюсти не хватало, а черные как горошинки перца глаза так сильно ввалились в глазницы, что я невольно вспомнил «Крик» Мунка. На этом сходство с людьми у них заканчивалось. Сумасшедший хирург пришил каждому по четыре дополнительных ноги и по паре острых спиц, и из-за этого чудища стояли, чуть накренившись, и напоминали пауков. Швов на их телах я не заметил, но не сомневался: вот куда девались некоторые пациенты лечебницы.

Мы застыли на верхних ступеньках лестницы, и я снова обратил внимание на выражение лица Полночицы. Меня мучило от вида препарированных и собранных по усмотрению Германа Петровича тел, но ее, казалось, это не трогало. На вид ей было максимум лет тридцать – что она пережила в своей жизни, если при виде подобного зрелища она спокойна?

– Париж тысяча девятьсот тридцать пятого, – Полночица оперлась на перила и отбросила волосы назад. Мне почудились отблески огня. – Десять убийств. Концлагерь в Богдановке в сорок первом, доказанных семнадцать, вряд ли реальная цифра, вы ведь специалист по штучной работе, верно?

Герман Петрович склонил голову, как бы соглашаясь. Полночица продолжила, а я не сводил глаз с тварей, которые то и дело дергались и шипели, неспособные произнести ни единого настоящего слова. Этот псих, Герман Петрович, то ослаблял, то натягивал поводки, из-за чего эти существа начинали задыхаться и поскуливать.

– Почему же вы исчезли на столько лет, не несли свое извращенное искусство в массы, а осели в далеком российском дальневосточном городе?

Герман Петрович наконец улыбнулся шире, и один из угрей на его щеке лопнул, испуская несколько капелек бело-желтого гноя:

– Я искал место, где будет легко дышаться, а я получу свободу для творчества. Вы уводите весьма ценный экземпляр. Полагаю, у Светлова большие планы на молодого человека?

– Большой садюга, – вздохнула Полночица и неожиданно прыгнула вперед.

Алый зонт в ее руке с хлопком раскрылся и исчез, уступая место короткому обоюдоострому мечу с тусклым лунным камнем на рукояти.

Человекопауки не ждали смиренно на месте, а тоже ринулись в атаку: один – к ней, другой – на меня. Шесть босых ног с двумя спицами наголо метнулись ко мне по-паучьи – не по лестнице, а по стенке, разбрызгивая во все стороны серебристую слюну. Я заорал и сделал первое, что пришло мне в голову, – кубарем скатился по лестнице вниз.

Полуночица уже успела раскрыть одно страшное творение Германа Петровича на две неровные половинки, которые продолжали извиваться на полу в лужах синеватой крови, а дверь, которая вела наружу, в ночь, стояла нараспашку, бросая мне навстречу запахи свободы и большого города, – паров бензина, пыли и жареного мяса из безмянного ларька с шаурмой за углом.

На второго «паука» рыжая даже не стала замахиваться мечом, а просто шикнула ему:

– *Вернись туда, откуда ты пришел.*

Он рассыпался в серый дымчатый прах.

– Герман Петрович сбежал? – уточнил я, пытаясь унять бешеное сердцебиение. – Нас пытались убить уже второй раз за двадцать минут, может быть, ты расскажешь мне поподробнее о том, что происходит?

– Третий, – коротко поправила меня рыжая и вытерла оружие салфеткой.

Она подбросила меч в воздух, отблеск убывающей луны сверкнул на лезвии, и в руку ей снова упал красный зонт–трость.

Ступив на улицу, я невольно глубоко вздохнул, и, хоть времени на рефлексию и не было, все же задрал голову, чтобы на минутку взглянуть на черное небо с белыми плевочками звезд.

Через маленькую парковку, заваленную деревянными брусками и стертymi покрывками, Полуночица привела меня к неприметной калитке.

За калиткой проходила дорога, которую мы второпях перебежали. Было очень темно, и фонари не просто не горели, а отсутствовали, и единственным источником света были светильники на билборде – том самом, который я видел из окна своей палаты каждый день. Машина Полуночицы была припаркована как раз под ним, серая пятидверная «Тойота RAV4» в старой комплектации и с аэрографией знака Бэтмена на крыле. «Рафчик» в этом городе хотели многие, но даже старая модель стоила довольно прилично.

Я сел на переднее сиденье по левую руку от водителя и провел пальцами по приборной панели над бардачком. Полуночица торопливо завела машину и, одной рукой пристегиваясь, а вторую держа на руле, выехала на дорогу. Зонт она вставила в специальный держатель рядом с карабином ремня безопасности.

– Не думал, что мы поедем на машине, – сказал я, замороженно разглядывая огоньки в заливе, которые теперь были гораздо ближе и то и дело исчезали за домами и деревьями.

Чувство было такое, словно с меня сняли ошейник, который мешал дышать, и мне требовалось разобраться с объемными массами всего кислорода планеты, которые разом ринулись ко мне в легкие.

– А чего ты ожидал? Телепортации? – Полуночица хмыкнула и нацепила очки на нос.

Машина отличалась чистотой: коврики идеально вычищенные, отутюженные чехлы, ни пылинки на решетке кондиционера и едва уловимый запах ароматизатора, и не стандартной «елочки» за сто рублей, а хорошего японского, который тонко-тонко пах луговыми цветами. На зеркале болтался брелок с черной летучей мышью в желтом овале.

– Ну, не «бэтмобиль» точно.

Рыжая фыркнула, вытащила смартфон и нажала на кнопку быстрого вызова.

– Алло, Емар? Привет, мой дорогой, как хорошо, что сегодня дежуришь ты, – заворковала девушка в трубку. – Как и докладывал Патрокл, эту лечебницу на Калинина давно следовало взять в оборот, у них весь пятый этаж – просто рассадник дерьма. Прикинь, там Прокруст завелся. Да. Да. Парня я забрала, все, как и говорила Карина. Едем к Латыпову. Выбью у него постановление и помчим за город. Да. Да. Бывай.

Она положила трубку и засунула телефон в подставку.

– Зачем нам к мэру? Это же тот самый Латыпов?..

– Без его подписи я не могу прийти и предъявить твоему папаше обвинение. Видите ли, в таких случаях нужно согласие всех членов Триптиха. Как самочувствие? Голова не болит?

Не тошнит? Имей в виду, в этой машине я тебе блевать не дам, лучше сразу говори, и я тебя высажу, – пригрозила Полуночица, плавно петляя по дорожной развязке, чтобы выехать на Золотой мост.

– На мосту запрещено останавливаться, и тем более высаживать пассажиров, – напомнил я ей, разглядывая плоский брелок, болтавшийся возле моей головы. На нем было написано: «Тише едешь – дальше выйдешь».

– Есть некоторые запреты, которые на меня не распространяются.

Она обогнала «Фит», который тащился впереди нас чересчур медленно, и на большой скорости нырнула в тоннель.

– Вот об этом я и хотел поговорить в первую очередь. Так кто ты и на кого работаешь?

Вместо ответа Полуночица потыкала пальцами в кнопки на магнитоле, и из колонок негромко полилась музыка – хриплый голос незнакомого парня на новый для меня мотив пел про «седую ночь».

– Да, это все-таки стоит выяснять до того, как садишься к незнакомой девушке в машину, – заметила она, постукивая пальцами по рулю в такт песне. – Полуночица – мое боевое имя, и я работаю на Бюро жаров – организацию, которая защищает жителей Владивостока от магических чудовищ и несанкционированной магии. Твой отец уже обвиняется в убийстве двух претендентов на кресло мэра Владивостока и покушении на убийство третьего. На его руках также кровь нашей сотрудницы, которая осуществляла слежку под прикрытием. Карины. И жен своих несчастных наверняка убил он же.

– Все перечисленное мало похоже на магию, – заметил я. – С чего вы решили, что этим делом должно заниматься ваше Бюро?

Полуночица завела руку за спину и вытащила из кармана на чехле сиденья плотную папку.

– Посмотри на фотки. Первая убитая, Антонина Новик, получила на свой юбилей в подарок собаку – щенка алабая. Полгода спустя ее тело нашли на пороге ее загородного дома с разорванным горлом. По официальной версии, она жестоко обращалась с собакой, садила на цепь под палящим солнцем и оставляла без еды и воды, била, и когда алабай сумел вырвать цепь вместе с кольцом и колышком, то первым делом решил отомстить хозяйке. Новик изначально была главной претенденткой на кресло мэра, любимица жителей города, а это, согласись, труднодостижимая величина для российского политика. Она из своего кармана оплатила операции нескольким детям в Корее, вложила в ремонт подпорной стены на Нейбута, отказалась печатать предвыборные листовки, а сумму, эквивалентную стоимости печати, отдала на нужды ветеранов войны. Она обещала сократить представительские расходы администрации, а деньги передать в помощь людям, оставшимся без работы.

– Если вы считаете, что это было преднамеренное убийство, то я не удивлен.

Я помнил из газет о необычайной популярности Новик и очень хотел посмотреть, что же будет, если такой человек, как она, придет ко власти. Ей и ее семье неоднократно поступали угрозы, причем вдвое чаще, чем остальным кандидатам. Часть угроз поступала из-за ее политических взглядов, часть поступала из-за того, что она была женщиной.

В папке было несколько фотографий трупов, и в одном из них я едва узнал бодрую рыжую женщину, которой всегда предстала перед массами Новик.

– Я не специалист, но горло не просто разорвано – оно перекушено пополам, причем с необычайной аккуратностью, – заметил я. – А что произошло со вторым кандидатом?

– Арсений Глаголев, кандидат от очень крупной партии. Участвовал еще в предыдущих выборах, но был замешан в весьма грязной истории о вбросе бюллетеней. Найден мертвым в своей квартире, запертой на ключ изнутри. Кроме него, в доме никого не было, и, если бы не тот факт, что у него между лопаток торчал нож, дело закрыли бы как самоубийство. Собственно, именно на этом этапе дело передали нам.

– Согласен, все это звучит очень загадочно, но я все еще не понимаю, как тут могла быть замешана магия.

– Оперативники не нашли в квартире *людей*, – с нажимом проговорила Полуночица и бросила в рот пару драже «тик-така». – Но там была любимая собака Глаголева, померанский шпиц.

Я вообразил себе шпица, эдакое облачко шерсти на коротеньких ножках, с ножом в зубах, и едва не рассмеялся:

– Вы считаете, что его тоже убила собака?

– Не собака, Костя. А дальневосточный оборотень, самый опасный мыслящий хищник планеты, за исключением чарожоров, – Полуночицу передернуло. – В случае с Глаголевым мы нашли в квартире следы борьбы – уже раненый, он пытался убежать от своего убийцы и опрокинул на него тяжелый стеллаж. С одной стороны стеллажа торчали белые собачьи ножки, а с другой – голова девушки с кровавым месивом вместо лица.

– Разве оборотня можно убить, просто уронив на него что-нибудь вроде шкафа? – я искренне пытался отбросить все стереотипы об огромных клыкастых волках, воющих на луну.

– Нет, но у Глаголева был огромный шкаф, набитый бутылками с алкоголем – от дешевых маленьких флакончиков с виски из дьюти-фри до вполне серьезных напитков многолетней выдержки. Как и все творения Нерушимого Дракона, оборотни не выносят спиртосодержащие продукты. При падении бутылки, естественно, разбились, осколки порезали кожу оборотнессы, и адская смесь вина, коньяка, водки, кальвадоса, абсента и Нерушимый знает, чего еще залилась в свежие раны. В агонии она пыталась снова превратиться в собаку и выползти из-под шкафа, но оборотнесса умерла раньше, чем ей это удалось.

– А разве оборотни могут превращаться в собак? Это же вроде большие волки.

Полуночица закатила глаза.

– Оборотни бывают разные: и волки, и тигры, и медведи. Но если волк-оборотень съест сердце собаки, то он может в нее перекинуться. Обратная магия действует не вечно – от восьми до двенадцати часов, пока тело не переварит съеденное. Тигры при желании могут перекинуться в кошек, а вот медведи хуже всех – эти могут превращаться в других людей.

Я почувствовал, что у меня начинает кружиться голова, и опустил стекло, чтобы немного подышать.

– А что случилось с Кариной, и с чего вы взяли, что это мой отец?

– Карина помогала благотворительному фонду «Мамонтенок», который спасает, лечит и пристраивает бездомных кошек и собак. Она хорошая оперативница и обладает... обладала редким даром ладить с любыми животными.

Полуночица вдруг замолчала и продолжила говорить лишь после небольшой паузы, и я заметил, что в ее голосе появились хриплые нотки.

– Бюро понимало, что если за убийствами стоят оборотни, то остальные кандидаты тоже находятся под ударом. К тому же из «Мамонтенка» регулярно пропадали собаки и кошки. Поэтому Карине поручили войти в ближний круг твоего отца, и поскольку у тебя уже была на тот момент девушка, ей пришлось его охмурять.

– А она не переборщила со внедрением? – удивился я. – Все-таки они даже поженились.

– А вот это и вызывает у меня вопросы. Последний отчет в Бюро она отправила накануне свадьбы, а умерла она через полторы недели после вынесения тебе приговора. – Руки Полуночицы крепко сжали руль и побелели. – Собственно, так мы и узнали, что у Кулика есть сын под другой фамилией, Константин Гердов.

– А что произошло с третьим кандидатом? – я решил перевести тему.

– А мы к нему сейчас как раз едем, – отозвалась Полуночица, щелкая поворотником. – На заднем сиденье есть большая черная толстовка, накинь.

Глава 3. СИНЯЯ БОРОДА

Той же ночью

Мэр Владивостока жил в трехкомнатной квартире в районе Чкалова – улицы на севере города, неподалеку от знаменитой фабрики «Заря» и паре километров от городского автовокзала.

Лифт в доме был сломан, а я так устал от впечатлений, что подниматься по лестницам я изрядно отвык, так что отстал от девушки и пришел на площадку четвертого этажа уже тогда, когда Полуночица препиралась со здоровенным охранником возле двери в квартиру, угрожающе постукивая зонтиком по плитам пола.

– Уже за полночь, приходите завтра, – ровным голосом вещал ей бритый налысо мужчина с гарнитурой в ухе.

Его костюм был идеально черного, глубокого оттенка, а ботинки отливали лаком, но все впечатление портил (или, наоборот, усиливал?) багровый рубец, пересекавший его лицо от брови до подбородка.

– Мэр уже спит, а войти в квартиру без *приглашения* вы не можете.

Полуночица в очередной раз помянула какого-то Нерушимого Дракона. В это время открылась дверь, и на лестницу вышел тщедушный седеющий мужчина в белоснежной пижаме в полоску. Он зябко задрожал на сквозняке, потирая заспанные глаза:

– Василий, пропусти их. Спасибо. *Приглашаю вас в дом.*

Охранник наградил нас ледяным взглядом и посторонился.

Свет в квартире горел только на кухне, но я все равно успел заметить, что господин Латыпов живет достаточно скромно. В прихожей стоял низенький советский шкафчик, старенькие цветастые обои подпирал синий велосипед со спущенной шиной. Я мельком посчитал пары обуви на подставке. Выходило, что в доме живет двое мужчин и двое женщин, скорее всего, жена, сын и дочь мэра. Над дверной притолокой висел маленький резной замочек.

Я неловко сел на табуретку, борясь с искушением попросить поесть. Впрочем, мужчина деловито налил нам чай и поставил на стол вазочку с печеньем.

– Это ваш коллега? – мэр надел очки и теперь мог разглядывать меня в упор без прищура.

– Это наш пропуск в особняк Кулика, – ответила Полуночица, бросив в рот сразу два печенья.

– Вы говорили, что без кровного родственника вы не сможете открыть некоторые из тайников.

Под взглядом Латыпова аппетит у меня исчез. И чего он так на меня уставился?

– Я его сын.

Щека Латыпова дернулась, и я сообразил, что мужчина страшно напуган.

– Насколько я знаю, сын Всеволода – убийца и содержится в сумасшедшем доме, – с подозрением сказал Латыпов. – Если это и есть он, то прошу найти какой-то другой способ и убрать этого молодого человека из моего дома. За стенкой спит моя семья!..

– Если бы вы хотели, чтобы ваша семья спала сладко и в безопасности, – Полуночица небрежно оседлала табуретку, продолжая поглощать печенье (в вазе уже оставалось всего несколько штук), – или действительно боялись убийц, то не шли бы в политику. Насчет того, что Костя действительно убил свою невесту, у Бюро серьезные сомнения.

Я возрился на нее. Она говорила искренне?

– Покойная Бастет, Карина, на суде заявила, что Константин убил Агату у нее на глазах на семейном ужине. Бедняжка умерла мгновенно, – Латыпов смотрел на меня с отвращением и ненавистью.

Когда мой взгляд упал на фотографию на обеденном столе, я вдруг узнал хмурого очкастого парня, который даже на семейном портрете не мог выдать подобие улыбки. Я частенько видел его на трибунах, когда играла команда Агаты, и пару раз паренек дарил ей цветы – огромные букеты удрушающе ароматных белых лилий. Тогда я и не догадывался, что это был сын мэра.

– В последние месяцы жизни у Бастет было много странностей, – сказала Полуночница, и я догадался, что Бастет было боевым именем Карины.

Я помнил, как девушка стояла за трибуной и рассказывала, как я несколько раз ударил Агату ножом, но тогда не придавал особого значения тому, что, рассказывая о страшном убийстве, Карина была очень спокойна и даже отстраненна. Может быть, с ней и правда был что-то не так?

– Это все ваши домыслы.

– Карина никогда не интересовалась мужчинами, но все-таки вышла замуж за Всеволода, – на этих словах Полуночницы Латыпов подавился чаем, и я со мстительным удовольствием наблюдал, как он пытается промокнуть полотенцем коричневые разводы на своей дорожке пижаме. – Это было не по плану Бюро, но она слала письма, что все в порядке, просто ей нужно больше времени, а Кулик уже начинает что-то подозревать.

– Возможно, девочка просто сделала выбор в пользу правильных семейных ценностей, – сдержанно проговорил мэр. – Я пойду переоденусь.

Когда он вышел, Полуночница сказала мне:

– Мы правда считаем, что ты не убивал Агату. Скорее всего, это сделал твой отец, чтобы от тебя избавиться и окончательно наложить лапу на твои деньги. У тебя фамилия матери, Костя, и я видела твою больничную карточку. Ни один указанный там диагноз к тебе не относится. Ты Гердов, сын Марии Гердовой. Это было условие твоих покойных бабушки с дедушкой. Они ненавидели твоего папашу и хотели, чтобы ты носил родовое имя.

– Сейчас двадцать первый век, Полуночница, – напомнил я ей. – Какое еще родовое имя?

– Ну, покопаться в твоей родословной мы еще успеем, – ответила рыжая. – Но твоя прабабка, княжна Надежда Гердова, бежала из Польши во время Гражданской войны и припрятала в корсаже золотые монеты и алмазы. Во время перестройки твои бабушка с дедушкой вложили деньги то тут, то там, и в итоге по завещанию твоей матери тебе отходит кругленькая сумма, акции в крупной нефтяной компании и небольшой участок земли на острове Елены.

– О да, участок земли в заднице Владивостока стоит того, чтобы завещать его единственному внуку, – саркастически усмехнулся я.

– Ты бы не говорил так, если бы знал, что по плану этот участок земли должен быть задействован во время строительства нового моста с пляжа Токаревской кошки на остров Елены. Естественно, участок предложат продать, и предоставлю тебе шанс прикинуть, каких денег он может стоить.

– Прикинул.

– А теперь умножь на два, – посоветовала Полуночница.

Вернулся Латыпов, к удовольствию рыжей, с собственной авторучкой.

– Где подписать? – он неотрывно смотрел на меня, и я сильно подозревал, что документ он подписывает только для того, чтобы мы убрались из его дома поскорее.

– С ним тяжело работать, – вздохнула Полуночница уже в машине.

Свет в квартире номер семнадцать горел до тех пор, пока «Рафчик» не скрылся за деревьями.

– Что такое Триптих? – я рефлекторно повернул голову направо, когда по железнодорожным путям загрохотал слабо подсвеченный товарняк.

– Поскольку в городе уживаются сразу три разумных расы, пришлось создать совет, который сообща решал бы конфликтные вопросы. Интересы людей представляет мэр города, сей-

час это известный тебе Артем Павлович Латыпов. Мы – раса жаров. От нас в совете раньше участвовал Борис Борисович Светлов, – она произнесла это имя с улыбкой, по которой я понял, что они явно были близко знакомы, – один из самых талантливых жаров современности. Открыл утерянное *наречие* ускорения роста растений, оно считалось давно утерянным, написал кучу научных трудов, чемпион Жарких игр по мечу две тысячи третьего.

– Жарких игр?..

– Ну, это что-то типа ваших Олимпийских игр, только с мечами и раз в два года. Теперь от нас в Триптихе Владимир Лисовский, – ее лицо помрачнело. – Детей Нерушимого представляет Катерина Блут, вампирская принцесса.

Я почувствовал, что мозг начинает вскипать.

– Так... Это я вроде понял. А почему ты в принципе делишься со мной информацией? Зачем это тебе?

– Ну, ты уже и так впутался в это дело по самую макушку.

Мы выехали на трассу, и машина заметно прибавила в скорости. Из колонок по-прежнему негромко играла музыка. Я чувствовал, что она недоговаривает.

– С тобой явно что-то не то. Бельмо на моем глазу наследственное, у всех женщин моего рода такое есть. Я хорошо вижу во тьме, могу сквозь толстую бетонную стену разглядеть, что происходит в доме. Играя против меня, маскироваться бесполезно.

Девушка помолчала, как бы размышляя, говорить что-то дальше или нет. И все-таки продолжила:

– Конечно, от моего дара есть защита. Но на тебе никакой защиты нет. Сердца жаров я вижу оранжевыми, сердца людей – красными, сердца оборотней, вампиров и прочих – серыми. Но твое, черт побери, двухцветное – черно-белое.

– Может, стоит сделать рентген или МРТ и убедиться, что сердце у меня нормальное? – попытался пошутить я.

Разноцветные сердца, магическая система, в которой еще предстояло разобраться. Как вообще могло выйти, что эти маги, точнее, жары, сидят, кажется, чуть ли не в подполье?

– Так или иначе, покончим с твоим папашей, и я покажу тебя Светлову. Он знает больше моего.

– А мое мнение учитывается? – поинтересовался я.

Полуночица отлично дралась, владела магией и кучей знаний, которые я пока не получил, и, чтобы добраться до них, стоило в нужные моменты помалкивать и дать ей выговориться, поскольку она была склонна рассуждать вслух, но, несмотря на это, мне порядком надоело ей подчиняться. Последние два с половиной года я и так провел, выполняя чужую волю. Хотя со Светловым, похоже, стоит пообщаться. Даже Герман Петрович упомянул эту фамилию.

– Отрадно видеть, что за столько лет ты не потерял способность спорить, – отозвалась Полуночица. – Буду надеяться, что и трезвым мышлением, и навыками работы в команде ты тоже не обделен.

Машина свернула с асфальта на небольшой участок грунтовок, а затем шины снова уютно зашуршали по заасфальтированной поверхности. Я увидел указатель на базу «Комета», самое популярное в городе место зимой для катания на сноуборде, лыжах или коньках, и сообразил, что мы выехали на дорогу к Шаморе, пляжу бухты Лазурной. За два с половиной года развязки за городом сильно изменились, и я не сразу понял, правильно ли мы едем. Но дорогу, которая вела к месту, которое я большую часть своей жизни называл домом, я все еще мог узнать.

Полуночица прижалась к обочине и включила «аварийки». Снова покопавшись в заднем кармане водительского кресла, она вытащила два листа бумаги и протянула один мне.

– Где ты раздобыла план дома? – я разгладил лист на коленях.

Чертеж был явно сделан в хорошем графическом редакторе и представлял собой очень подробный план двухэтажного дома со всеми его пристройками. Ноготь невольно царапнул

прямоугольник, отмечавший мою комнату на плане. Этот дом не ассоциировался с теплом домашнего очага, и после смерти матери я редко чувствовал себя счастливым в его серых стенах. Он стал для меня просто зданием. Иногда казалось, что за высокой оградой нет ничего, кроме столетнего леса, и когда я покидал пределы коттеджа «Белладонна», то неизменно испытывал облегчение.

– Это один из документов, который Карина успела передать Бюро. Не знаю, насколько этот план соответствует нынешним реалиям.

– Я запомнил дом таким же, – пожал плечами я. – Вот тут, в домике охраны, по ночам всегда два человека, и по территории ходит еще один. Ворота управляются с пульта, который находится там же. По ночам спускают собак.

– Ну, через ворота мы вряд ли пойдем, – Полуночица водила пальцем по своему экземпляру карты. – Охрану лучше застать врасплох, чтобы не успели подать в дом сигнал.

Мимо с ревом клаксона пролетел черный «Ленд Крузер». Я успел разглядеть молодую девушку, которая высунулась из окна с бутылкой вина в руках. Фонарей на Шаморовской дороге отродясь не было, и в темноте даже при включенных фарах стоило ехать более внимательно.

– А если не через ворота, то как? Ограда высотой четыре метра, через нее дом-то едва-едва видно.

– В доме установлена новейшая система сортировки мусора, – начала объяснять Полуночица. – У всех оборотней пунктик по экологии, и в эту систему было вбухано несколько миллионов рублей. Во дворе стоит несколько огромных баков с умными сенсорами, которые анализируют, распределяют и упаковывают мусор. Этот мусор в итоге по огромным трубам попадает за ограду, где его забирают на переработку. Мы попадем во двор по одной из этих труб.

Я преисполнился скептицизма:

– А магия твоя здесь никак не поможет? Мы можем не рисковать и просто перелететь через ворота? Или сделать подкоп?

– Костя, – устало вздохнула рыжая и положила в рот подушечку жвачки, – твой отец метит в кресло мэра города и отлично знает о существовании Бюро и магии. Вряд ли он такой идиот, что не поставил на ворота и вдоль стен детекторы движения и детекторы магии. А подкоп – я тебе что, крот?

Коттеджный поселок клубного типа «Золотой залив» пользовался среди жителей Владивостока не самой лучшей славой, что я знал не понаслышке, и в прежней жизни, стоило мне упомянуть, где я живу, люди начинали бросать на меня подозрительные взгляды.

Город застраивался с юга на север, от порта и моря вглубь материка, и долгое время в его лесах водились тигры, олени, медведи – прямо там, где сейчас гордо выпятили грудь торговый центр «Седанка Сити», база горнолыжного отдыха «Комета», автозаправки, автомобильные салоны и, конечно, коттеджные поселки с домами, виллами и таунхаусами на любой вкус и на определенный объем кошелька.

На месте «Золотого залива» были дома старообрядцев, которых сослали в Приморский край еще во времена Николая Второго по весьма прозаическим причинам: эти семьи оставались глухи к проповедям миссионеров других религиозных конфессий, которых на Дальневосточных границах Российской империи хватало с лихвой, а также они были фантастически трудолюбивы, что обеспечивало портовый город овощами, ягодами и фруктами. В советские времена, естественно, их угоды забрали на «нужды государства», а затем по кусочкам передали под дачные участки.

В девяностые эти участки выкупили владельцы «Золотого залива» и построили элитный поселок. Впрочем, в том, что они действительно что-то выкупали, сомневался каждый второй, только благоразумно молчал. Пенсионеров обманом заставляли подписывать документы, а от

тех, кто этого делать не хотел, избавлялись. Милиция города, естественно, занималась этим вопросом, но никаких доказательств найдено не было, свидетелей, готовых дать показания, тоже не нашлось.

Купить дом в поселке можно было только по рекомендации человека, который уже владеет там недвижимостью, и так или иначе в «Золотом заливе» все друг друга знали чуть ли не в лицо.

Прямая подъездная дорожка к черным кованым воротам пролежала между дубами, березами и редкими вкраплениями маньчжурского ореха и амурского бархата. Слишком длинные ветки деревьев и кустарников регулярно подрезали, чтобы они не царапали проезжающие машины.

Эти ворота в последний раз я видел в день смерти Агаты. Тогда была осень, ягоды бархата постоянно падали на дорогу, из-за чего работникам поселка то и дело приходилось выбегать с совком и пакетом и поспешно убирать их.

С тех пор ничего не изменилось, за исключением того, что деревья были покрыты молодой зеленью, а на ветвях маньчжурского ореха покачивались темно-зеленые богатые кисточки.

– Как мы попадем внутрь? – спросил я, отгоняя от себя неприятные воспоминания.

Полуночица опустила солнцезащитные очки на нос.

– У меня там давний приятель живет, он дал пропуск. А тебя с такой окладистой бородой вряд ли узнают.

Пожалуй, рыжая обладала недюжинными актерскими способностями, потому что когда наша машина притормозила перед воротами и дюжий охранник в камуфляже вырос возле двери водителя, она опустила стекло и скривила губы:

– Почему мы вечно ждем так долго? За что я вообще плачу деньги? Чтобы торчать тут перед воротами и ждать, пока вы соизволите нас пропустить?..

Она сунула пластиковую карточку с QR-кодом охраннику почти в лицо, потянувшись всем телом, давая понять, что одна лишь куртка на ней стоит больше его годового оклада, и небрежно поправила рыжую гриву, глядя в зеркало заднего вида:

– Я и так просила сделать мне стрижку под Джессика Честейн из «Большой игры», а получилась Никки Николс из «Оранжевый – хит сезона», не заставляйте меня нервничать еще больше.

Я пытался не расхохотаться.

– Проезжайте, – охранник вернул Полуночице карточку, даже не заглядывая в нее.

Она приняла ее небрежно, двумя пальцами, и нажала на газ в то же мгновение, когда ворота открылись достаточно широко, чтобы между ними мог проскользнуть автомобиль. Рыжая бросила карточку в подставку для стаканов между нашими сиденьями, и я наконец дал волю веселью: на карточке была фотография ее владельца, одутловатого мужчины лет сорока с выпученными глазами и шикарными усами.

– Запомни, – сказала Полуночица, включая поворотник, – не всегда для решения насущных вопросов надо раскидываться налево и направо магическими *наречиями*. Иногда достаточно хитрости.

– Дом находится в восточной части поселка, почему мы едем в другую сторону? – поинтересовался я, разглядывая знакомые дома.

Напускная элитарность пропитывала здесь каждый угол. Искусственно состаренные коттеджи с треугольными сводами крыш были равноудалены друг от друга, у каждого был свой гараж на две машины и место для барбекю. Правилами поселка регулировались цвета фасадов, разновидности плюща для украшения стен и крыш, а также высота зданий – не более трех этажей.

Вдоль дороги пролегли комфортные велосипедные дорожки, а у тротуаров было особое покрытие, чтобы было удобно не только ходить, но и бегать. Школу тут так и не построили,

зато имелся детский садик, и каждый день в семь тридцать утра и в восемь вечера можно было увидеть чопорную няню в строгой черной юбке, белой блузке и неизменным гладким пучком на голове, за которой гуськом шли дети в одинаковых ярких желтых панамках. Впрочем, все дети уже давно спали, и пришло время недетских развлечений. Несмотря на поздний час, во многих окнах горел свет, и через музыку пробивались смех и громкие голоса. Я невольно вспомнил свой последний счастливый день рождения, двенадцатый, отпразднованный с матерью. Тогда мы только-только переехали в этот поселок (который, к слову сказать, она терпеть не могла), друзей у меня еще не было, и мама напекла огромное количество орешков со сгущенкой, чтобы позвать ко мне на праздник окрестных детей.

– Потому что нам нужно в другую сторону, – загадочно отозвалась рыжая.

Мы притормозили у мусорных баков, огороженных с трех сторон листами крашеного железа. Больших прямоугольных ящиков мятного оттенка (каждый сезон здесь ставили новые баки, а цвет выбирали жители поселка всеобщим голосованием) насчитывалось около пятнадцати.

Баки должны были опустошить только утром, так что половину из них уже доверху набили мусором. На углах баков были расставлены старый утюг, трехлитровая банка с лечо сомнительного оттенка, упаковка плесневелого винегрета из супермаркета, советский набор терок в прозрачной пластиковой коробке, кулек с арбузными корками и пустая бутылка из-под воды.

Нам под ноги выкатилась стеклянная бутылка. Я наступил на нее, чтобы рассмотреть черно-белую этикетку. Pierre Gimonnet & Fils, дорогое терруарное шампанское, которым здесь многие полоскали рот после ужина.

Мимо нас, хлестнув чем-то по ногам, дала стрекача загадочная пушистая тень размером с ребенка.

На самом дальнем баке, прямо поверх разноцветных пахучих мешков, развалился странного вида мужчина. Под голову он приспособил свернутый в рулон коврик для туалета и так блаженно шурился в свете фонарей, как будто это была не помойка, а пляж где-нибудь в Таиланде.

На тощих ногах его болтались «оксфорды» размера на два больше нужного, коричневые и замшевые в прошлой жизни. Вельветовые бордовые брюки в нескольких местах проела моль, а ворот светло-голубой батистовой рубашки был в дырках от сигарет. Бежевый бархатный пиджак покрывали разводы фиолетового цвета, скорее всего, от вина.

Он хихикал над «Краткой историей времени» Хокинга, помечая какие-то места карандашом, зажатым в когтистых лапах. От рокочущего сиплого смеха круглые очки на его морде то ли кога, то ли лемура ритмично подпрыгивали. Из дырок на одежде торчали клочки грязной бурой шерсти, а длинный хвост постукивал по крышке соседнего бака.

– Это помоечник, – шепнула Полуночница Косте на ухо и сказала уже громче: – Привет, Горностаи.

Он посмотрел на нас своими выпуклыми глазами, похожими на желтые фары, и снова издал свое подобие смеха:

– Неужели рыжая воительница решила удостоить вниманием мою скромную помойку? Проходите, присаживайтесь. Вы будете чай?

Его хвост ловко подцепил небольшой стеклянный заварник без крышки и носика.

– Предпочитаю не употреблять кофеин после шести вечера, будет плохо спать, – спокойно ответила Полуночница. – Мы здесь со взаимовыгодным предложением.

– Что же Светлов может мне предложить? И не прикидывайся, что старый жук не имеет к этому отношения.

– Мы выяснили, кто похищает животных из приютов.

Помоечник загнул когтем край страницы и захлопнул книгу. Его глаза разом сузились:

– Не ш-шуты так.

– А я и не шучу. Ты прекрасно знаешь, кому нужны собачьи сердца, и кто считает кошачье мясо деликатесом. Кто настолько любит чистенькое, что предпочитает не ловить животных на улице.

Верхняя губа Горностая дрогнула, обнажая острый желтый клык:

– Поделис-сь со мной этим знанием. Кто душит наших котят и режет наших щенков?

– По оперативной версии, – не удержалась от канцеляризма рыжая, – банда Бера Керемета не была уничтожена восемнадцать лет назад. И теперь Бер пытается заполучить людской голос в Триптихе. Не мне тебе рассказывать, как опасен Бер Керемет. По нему плачет камера Морок-града.

– Камера? – Горностай саркастически усмехнулся и смачно сплюнул в сторону комков шерсти. – Такая тварь заслуживает холодной стали в сердце.

– Поверь мне, Морок-град может быть похуже смерти.

– Я проведу вас за забор. Ишь, цаца, отгородился от всего поселка, барские замашки у этих медведей испокон веков, верно, рыжая воительница?

Помоечник соскользнул вниз, и мы с ним оказались практически одного роста.

– Идем.

Он пошаркал прочь, не отбрасывая тени.

Несколько минут мы пробирались вперед в тишине, но потом я не выдержал.

– А кто такие помоечники? – спросил я в уверенности, что задал вопрос тихо, но Горностай дернул ухом и развернулся ко нам.

– Рас-скажи ему, рыжая воительница.

– Это духи псов и кошек, – начала рассказывать Полуночица. – Они рождаются из их страданий и боли, связанной с людьми. Ты же видел помойки и подвалы наших городов? Полуслепые котята, выброшенные теми, кому не хватило ума вовремя стерилизовать свою кошку. Собаки, которых вывозят в лес и там оставляют, когда те стареют или болеют. А сбитые на трассе животные? Мало кто останавливается, чтобы покормить бездомного кота, а травмированных просто бросают подыхать. Приютов почти нет, фондам не хватает денег. И души животных, умерших такой тяжелой смертью, становятся сильными призраками. Люди выбрасывают вещи, в которые они вкладывали эмоции и воспоминания – чашки и тарелки, одежду, обувь, книги. И помоечники вытягивают из этих вещей энергию, чтобы становиться плотнее и сильнее.

Я молчал, не зная, что ответить.

– А что случилось с тобой, Горностай? Почему ты стал духом?

Полуночица пнула меня локтем в бок, но призрак снова посмотрел на меня:

– Ты интересный малый, не похож на человека. Это хор-рошо, я тебе отвечу. Человеческие мальчишки решили, что будет весело бросить дворового кота в костер.

Высокий кирпичный забор, отделявший коттедж «Белладонна» от остальных домов поселка, и вправду выглядел нелепо. Отец вечно жаловался, что его раздражают любопытные соседи, норовящие засунуть нос не в свое дело, и в итоге построил забор, что было верхом неприличия по меркам обитателей «Золотого залива».

Четыре люка, три поменьше и один побольше, нашлись на стене в самом дальнем от ворот конце.

– Вот здесь находится вход в мусор-рные тоннели, – сказал Горностай, постучав лапой по дверце большого люка. – Ползти тут недалеко, метров пятнадцать. Тоннель для крупногабаритных вещей самый широкий, и по нему вы пройдете без труда. Но прессовочные лопасти общие, так что молитесь, чтобы они не работали.

Он распахнул дверцу, и из темного зева тоннеля вырвались на свободу миазмы гнилой кислой капусты.

Полуночица побрызгала спреем две плотные тканевые маски и протянула одну мне:
– Внутри запах будет еще хуже.

Я натянул маску на рот и на нос, закрепил за ушами. Борода предательски торчала и колола кожу, и я пообещал себе поскорее сбрить ее.

Полуночица перехватила волосы резинкой и засунула под куртку, я тоже опустил капюшон толстовки на голову, невольно пытаясь отгородиться от того, что нам предстояло.

Слабый аромат лаванды и правда приглушал вонь испарений, которые выделял мусор, застрявший в тоннелях, но глаза все равно слезились, как будто я вдыхал аммиак. Когда помоечник захлопнул за нами люк, во тьме загорелись два серо-голубых огонька, один – с ярким серебристым вкраплением посередине. Полуночица подала мне фонарик. Ей фонарик, похоже, не требовался.

Передвигаться приходилось на корточках – тоннель был ровно той ширины, чтобы через него, скажем, мог пройти холодильник или разломанный напололам диван. Пол тоннеля постепенно начал подниматься, и мои ноги то и дело подскальзывались на его гладкой поверхности, разработанной специально для того, чтобы мусор быстро попадал из распределителя и прессовочной системы наружу.

По мере того как мы продвигались вперед, запах становился все гуще и резче, а маска перестала помогать, но я все равно ее не снимал.

Створки, которые вели в прессовочную систему, были плотно закрыты. Распределитель сначала классифицировал мусор, затем сбрасывал прессовочной системе, а после открывались створки строго определенного тоннеля.

Тоннелем, через который мы пришли, пользовались действительно редко: нож Полуночицы, вставленный между створками, высек несколько крупных кусков ржавчины. Заслонки с металлическим скрипом подались в стороны, и мы кое-как пролезли в следующий отсек.

Сквозь маленькую решетку сюда проникал слабый свет луны, и я примерно оценил расстояние от пола до потолка, на котором выделялось четыре квадрата, – днища баков.

«Даже если взобраться на платформу, затем на пресс, а оттуда – на поршень прессы, до потолка останется еще метра полтора», – подумал я.

Полуночица уже вытащила тонкие фиолетовые перчатки, похожие на медицинские, и подобие бахил из того же материала:

– Я все еще не хочу *нарекать* здесь ничего, поэтому поднимусь первой, а потом сброшу тебе веревку и помогу подняться.

– Во мне килограммов семьдесят веса, – предупредил я.

– Не заставляй меня жалеть еще сильнее, что я потащила неподготовленное существо на боевое задание, ладно?

«Бахилы» так плотно облепили сапоги Полуночицы, что я задался вопросом, как она потом их будет снимать.

Восхождение далось ей играючи. На гладких на вид поверхностях механизма рыжая быстро нашла одной ей заметные уступы, а перчатки и «бахилы», видимо, усиливали сцепление и не давали скользить.

На самой верхней точке она замерла, вновь сев на корточки и зацепившись руками за края какой-то квадратной пластины, из-за чего она стала похожа на статую смиренно сидящей кошки. Секунда, две, три – светящиеся глаза напряженно разглядывали дно ближайшего к ней бака. Она резко, но без замаха, метнула нож, к рукояти которого привязала веревку, и тот со стуком вонзился в квадрат. Рывок – и квадрат с грохотом полетел вниз, прямо к моим ногам.

Я выдернул нож из пластины, подивившись, что он без проблем проделал дыру в металле, и привязал веревку к поясу самым крепким узлом, который только умел делать. Еще один рывок, веревка натянулась, заставив меня задохнуться и повиснуть на ней, и Полуночица, уже выбравшаяся наружу, вытянула меня за собой.

Перед глазами все еще вращался пол, когда я растянулся на траве, разрезая на себе веревку.

– Так-так, а мы-то думали, что за крысы копошатся в нашей помойке, – насмешливо сказал кто-то, и я вскочил на ноги, покрепче сжав нож.

Их было трое – молодые парни и девушка, одетые одинаково: в темные джинсы и темные обтягивающие майки, из-за чего на фоне дома, где не горела ни единая лампа, казалось, что нам навстречу, синхронно разминая суставы и беззвучно ступая по газону, двигались только их бледные руки и лица.

По правой руке девушки от локтя до запястья вилась черная татуировка, давно сделанная и слегка поплывшая из-за загара и напрягшихся мышц. Ее грубое веснушчатое лицо и глиняно-коричневые глаза показались мне знакомыми.

– Берта?

Берта Курташ играла с Агатой в одной команде и была той, кого я здесь меньше всего ожидал увидеть.

– Это хозяйский, – бросила девушка своим спутникам, и те остановились. – Давненько не виделись, Костя.

Она узнала меня, но я не спешил бросаться к ней в объятия и вспоминать прошлое:

– Что ты тут делаешь?

– Работаю, охраняю, – уклончиво ответила она, и я увидел, как ее верхняя губа ползет вверх, обнажая зубы, точно так же, как у Горностая. – Только почему ты здесь, а не гниешь там, где тебе самое место?

Я рванулся в сторону ровно в тот же момент, когда Берта прыгнула, и ее зубы лишь клацнули там, где еще секунду назад была моя голова. Пальцы удлиннились, выбрасывая наружу когти, похожие на смертельные сабли, и из человеческого горла вырвался грубый волчий рык.

Тактика Берты оставалась такой же, как и во времена игры в американский футбол. Она играла на позиции защитницы, но всегда старалась нападать первой.

Оборотни не стали перекидываться полностью, и их по-волчьи скалящиеся человеческие лица вызывали у меня первобытный ужас. Я никогда не отсиживался в стороне в драке – ни в юности, ни в более зрелом возрасте. Я не терпел, когда при мне унижали слабых, и однажды чуть не поймал нож под ребра в потасовке у «Виски бара», когда вступился за девушку. Когда дерешься с человеком, самое худшее, что от него можешь ожидать – это оружие или черный пояс по какому-нибудь восточному единоборству. Но как, черт побери, я должен был драться с оборотнем?!

Серебряные пули, обсидиан, святая вода, на худой конец, – эти мысли короткими вспышками являлись в моем мозгу, но я был уверен, что если что-то из этого помогало бы против реальных оборотней, Полночица обеспечила бы нас тузом в рукаве.

В висках стучало, а адреналин буквально плавил мои конечности, призывая то ли бежать, то ли пытаться биться. Рыжая взяла на себя двоих парней, мне же досталась Берта. Я попытался ударить ее в нос кулаком, но она тут же перехватила мою руку и сжала мой кулак в своей руке так, что я услышал треск собственных костей. Она швырнула меня на землю, и я крутанулся, как уж на сковородке, выворачиваясь из ее хватки. Мне удалось откатиться в сторону и вскочить на ноги.

Продать свою жизнь стоило подороже, и я решил выиграть время для Полночицы и попытаться ослепить оборотнессу – какой бы страшной и чудовищно сильной она ни была, вряд ли удар пальцами в глаза будет для нее легкой щекоткой.

Берта была значительно выше и крупнее меня, и первое время я только и делал, что уклонялся, пока зубы и когти быстро-быстро появлялись то слева, то справа от меня.

Первого оборотня Полночица отправила в нокаут, подпрыгнув и со всего маху ударив его локтем куда-то между ключицей и головой, со вторым разыгралась короткая потасовка –

девушка увернулась от его атаки и без лишних церемоний ударила оборотня сначала в пах, затем в морду, коротким точным ударом сминая его нос, как жестяную банку из-под колы.

Берта ринулась в сторону, когда Полночица обезвредила ее спутников, но успела все-таки достать меня рукой. Три свежие глубокие раны на бедре разразились потоками крови, и я рухнул на траву, пытаясь зажать ранение. По больничным штанам во все стороны расплзлось ярко-алое пятно, и краем сознания я успел подумать, что будет очень смешно и даже иронично умереть от заражения или от бешенства, а не от клыков оборотня.

– Почему ты не выпустила им кишки?

Берта равнодушно мотнула массивным подбородком в сторону поверженных напарников и тыльной стороны руки-лапы стерла капающую на грудь слюну. Зубы у нее сильно увеличились в размере и плохо помещались в рот, из-за чего девушка немного шепелявила.

– Милосердие не входит в число моих добродетелей, – усмехнулась Полночица, которая даже не запыхалась. – Если я убью кого-то из вас, лидер почувствует потерю, услышит рвущуюся нить. А я не хочу лишнего шума раньше времени.

– Вот как, – со смешком протянула Берта, – действительно, чего еще ожидать от Полночицы-Вальпургиевой ночи?

– Моя слава бежит впереди меня, – рыжая небрежно пожала плечами.

Я постарался не заскулить от боли: края царапин жгло так, что я невольно задумался, не были ли чем-то смазаны когти у Берты. Валяться на земле было унижительно, но я ничего не мог сделать – каждая попытка встать заканчивалась тем, что нога подгибалась.

– Девушка, которая много лет по всему миру преследовала убийц своей сестры и расправилась с ними так жестоко, что сама попала в камеру Морок-града.

Удивительно, но даже с огромной выпуклой волчьей челюстью Берта ухитрилась выглядеть по-прежнему надменно.

– Ты ищешь мести и силы, и в этом ты больше похожа на нас, чем на них, – продолжила она.

– Как же я не люблю, когда посторонние за меня додумывают мои мысли и цели, – сморщилась Полночица и растворилась в воздухе.

Точнее, мне так показалось, потому что рыжая копна волос возникла возле плеча оборотнессы с такой скоростью, что это должно было произойти за ту миллисекунду, на которую я прикрыл веки, чтобы моргнуть.

Полночица вступила в бой так, как если бы читала мои мысли. Ее первый удар, внезапный, но точно рассчитанный, был намечен в колючие глаза Берты. Оборотнесса увернулась, но кулак рыжей все-таки рассек ей скулу.

Курташ припала к земле, и джинсы на ней наконец треснули, выпуская хвост, который от ярости взвился в небо кривой серой трубой.

Эта стычка была мало похожа на любую драку, которую я когда-либо видел до этого. Девушки дрались всем телом, без ярости, но с таким ледяным расчетом и точностью, что я, увлекшись этим бешеным опасным танцем, на некоторое время забыл, что меня ранили.

Где учат так драться, мне оставалось лишь гадать – манера Полночицы заключала в себе одновременно элементы бразильской капозйры, кудо и пресловутого ушу. Несмотря на тяжелые сапоги и бахилы, которые она так и не успела снять (сброшенные перчатки затерялись где-то среди травы), девушка двигалась легко, как танцовщица, и без особых усилий подпрыгивала, чтобы нанести удар в ухо или уйти от атаки.

Оборотнессу, которая тоже была высокой и спортивной, скорость рыжей вскоре начала выматывать, и она пропустила пару тяжелых ударов в челюсть и плечо. Я ни на минуту не забывал, что Берта, по сути, волчица, и начал осознавать, что Полночица и вправду не человек.

– Почему бы тебе не перекинуться полностью? – поддразнила противницу рыжая, – тогда, быть может, сравняешься со мной.

– Волчья пасть плохо предназначена для смеха, я хочу, чтобы вы умирали, а я смеялась, – прорычала Курташ и с такой силой замахнулась на нее когтистой лапой, что рыжая едва не получила прямо по лицу.

– Я найду свою смерть, но точно не сегодня и не от тебя.

Полуночица перехватила лапу Берты и рванула на себя. Оборотнесса не удержала равновесие и рухнула на траву. Рыжая наступила волчице на глотку, вдавив каблук сапога той прямо в яремную вену. Волчица захрипела, и ее губы побелели.

Полуночица еле слышно *нарекла* воздух у своих пальцев и метнула сгусток вниз. Курташ вздрогнула и затихла. Глаза ее закатились, показывая белки.

– Когда очнется, у нее будет адское похмелье, – прокомментировала рыжая, убирая ногу. – Хорошо дерется девчонка, такие бы силы да на благо Земли. Но увы.

– Я сейчас сдохну, – напомнил я.

Кровь уже начала останавливаться, но я не был уверен, что смогу идти.

– Я не целитель, – сказала Полуночица, опускаясь на колени рядом со мной. При помощи ножа она срезала штанину, которая успела прилипнуть к ране, и я прикусил рукав толстовки, чтобы не заорать дурниной. – Так что шрамы останутся.

Лейкопластырь в рулончике, пахнувший свежескошенной травой, плотно закрыл разрезы, и боль вскоре утихла. Я встал и для пробы наступил на ногу.

– Все в порядке, – удивленно сообщил я. – Только чешется жутко.

– И выглядишь ты жутко, – ответила она так жизнерадостно, что это никак не вязалось с телами трех оборотней, раскиданных по газону вокруг. – Пора в дом. Хвала Нерушимому, на шум никто не прибежал.

Дорожка, выложенная из мелкой серой речной гальки, вела к ступенькам кирпичного дома. На крыльце, выкрашенном в цвет крем-брюле, стояла кадка с кипарисом, а в клетке, тесной и загаженной, печально подвывала молодая немецкая овчарка.

– Вряд ли в доме сейчас есть кто-то, кроме отца и его новой пассии, – отозвался я. – Окна не горят – скорее всего, она спит, а отец в своем кабинете.

– Новая женщина твоего отца умнее предыдущих и не торопится переезжать сюда жить.

Полуночица поднялась ко входной двери с латунным молоточком и взгляделась в нее.

– Все чисто. Я никого не вижу ни на первом, ни на втором этаже, но меня очень интересует, почему за дверью на чердак я не могу ничего разглядеть.

Единственным источником света в прихожей был ночник на маленьком столике для писем, газет и ключей. В вазочке стояли свежесрезанные белые розы, но запаха я не чувствовал. Через приоткрытую входную дверь в помещение задул ветер, и хрусталики на огромной люстре закачались, издавая перезвон. Рыжая шевельнула пальцами, и звук прекратился.

На второй этаж вела широкая лестница с витыми перилами, а бархатный ковер на ее ступенях давал нам возможность идти совсем бесшумно. Я бросил взгляд направо, в гостиную, и с долей облегчения заметил, что массивного дубового стола и стульев с длинными спинками вокруг него там больше нет.

– Вкус у твоего отца оставляет желать лучшего, – заметила Полуночица, разглядывая картины в тяжелых позолоченных рамах, которые «украшали» стены второго этажа.

– Ему следовало родиться лет эдак на двести раньше, – пожал плечами я. – У него феодальные замашки. Утверждает, что это портреты предков, но я почему-то думаю, что он их заказал из Интернета.

– Я бы не хотела унаследовать такие губы, – заметила рыжая и указала пальцем на один из портретов. С него на нас надменно взидала девочка лет десяти, одетая в пышное платье поросячьего оттенка. Губы у нее образовывали букву «о» и больше всего напоминали куриную задницу.

– Вот, лестница на чердак начинается за этой дверью, – я демонстративно подергал ручку, чтобы показать, что она закрыта. – Насколько я знаю, от этой двери есть только один ключ, и отец всегда носит его с собой.

– Если здесь обычный ключ, то для меня это не проблема, – отозвалась Полуночица. Ее тонкие узловатые пальцы пробежались по двери, словно по клавишам невидимого фортепиано, и раздался едва уловимый шелчок. – Прошу.

В свете фонариков коридор выглядел особенно жутко, и я запоздало сообразил, что это больше похоже на другое измерение, но отнюдь не на чердачную лестницу. Лакированный пол багрового цвета создавал ощущение, будто шагаешь по засохшей крови, а стены покрывали тканевые обои зеленого цвета, украшенные узорчатыми золотыми лилиями. Кое-где обои свисали уродливыми трухлявыми лохмотьями, будто протягивая к нам свои руки.

– В викторианской Англии многие люди погибли из-за зеленого цвета. Обои, ткань для предметов интерьера, одежда, выкрашенные в него, со временем приносили смерть, – в памяти некстати всплыла одна из книг, которую я прочел в психушке. – На основе мышьяка получали необыкновенно красивый оттенок зеленого.

– Посвети сюда, – Полуночица сдвинула мою руку, и луч фонарика высветил латунную табличку на одной двери. – Здесь гравировка.

– Всеволод, – прочитал я.

– Вот на этой двери написано «Мария»... «Настя»... «Лица»... – Полуночица переходила от двери к двери, читая надписи на табличках. – А вот здесь «Карина».

– Что это может значить? – поинтересовался я, и по спине пробежал холодок.

– Не знаю, – она почти коснулась рукой двери, возле которой стояла, но в последний момент передумала и подошла к двери с именем «Лица». – Как насчет того, чтобы проверить?

На первый взгляд это был всего лишь склад вещей, когда-то принадлежавших покойной третьей жене моего отца. На стальных штангах висели модные платья, джинсы, кофточки, шубка, которую она получила в подарок на свадьбу. Я узнал большой туалетный столик, стоявший раньше в ванной на первом этаже, которую по просьбе Лики отдали под ее эксперименты с косметикой. На нем лежала стопка старых женских журналов и стояла маленькая рамка с ее фотографией – блондинка-хохотушка на выпускном вечере в школе.

– Что это? – мое внимание привлек холодильник у дальней стены, и я сделал решительный шаг в ту сторону. Комната, похожая на мемориал мертвой девушки, наводила на меня жуть, и мне хотелось убраться оттуда побыстрее. Но сначала следовало все проверить.

– Постой, – предостерегающе сказала Полуночица, но я уже заглянул внутрь.

Рыжая участливо гладила меня по спине, пока меня тошнило в одну из Ликиных кепок.

В первое мгновение мне показалось, что по каким-то причинам здесь хранят часть продуктов – замороженную вырезку, сало. Дошло до меня, когда я увидел две стеклянных прозрачных банки: в одной неспешно плавало два потухших голубых глаза, а в другой – кусочки того, что, скорее всего, было человеческим сердцем.

– Их всех хоронили в закрытом гробу, – просипел я, утирая рот. – Тел внутри, похоже, не было. Неужели мой отец такой ублюдок?

– Судя по первой двери, это уже довольно давно не твой отец, – мрачно сказала Полуночица. – А оборотень, занявший его место. Понятия не имею, как он мог поддерживать чужой облик на протяжении стольких лет, но меня больше интересует, как скоро мы сможем найти его и обезвредить.

Остаток коридора мы проделали, стараясь не смотреть на таблички с именами. Вид раскрытого холодильника с телом внутри, которое оборотень разделал с воистину хирургической точностью, до последней детали отпечатался перед моим внутренним взором. До этой комнаты

я думал, что делаю все это ради себя из мести к человеку, укравшему мою жизнь. Теперь же я сжимал рукоятку ножа, беззвучно шепча имена с табличек: «Всеволод, Мария».

Агата. Он точно убил Агату.

По лицу Полуночницы, как я уже понял, нереально было прочесть даже часть ее мыслей, оно оставалось сосредоточенным и безэмоциональным. Но я чувствовал, как у нее внутри собирается и клокочет буря, которую сдерживали немало времени.

Кабинет находился за последней дверью, и из тонкой щели под дверью сочился яркий свет. Я отключил фонарик и вернул Полуночнице.

Мужчина, которого мой язык больше не поворачивался звать отцом, стоял к нам спиной и непринужденно говорил о чем-то по телефону на непонятном мне языке. Дверь удалось открыть без скрипа, но он обернулся почти сразу же.

Ноутбук смотрелся достаточно нелепо на фоне старинных стеллажей с книгами в кожаных переплетках, тяжелого дубового стола, кресла и старинной лампы в сетчатом абажуре. Оборотень же был одет так, будто сошел с одного из обожаемых им старинных портретов: алый шелковый халат, белые штаны, белый платок на шее и сафьяновые тапочки. Тапочки были зеленого цвета, который я возненавидел раз и навсегда.

Он положил телефон на стол и непринужденно пригладил светлые волосы:

– Уже за полночь, боюсь, я не ожидал гостей.

Я заметил, что Полуночница все время держит правую руку за спиной.

– Костя, сынок, ты разве не должен спать сейчас в своей палате? – еле слышно спросил мужчина.

– Ты можешь больше не делать вид, что ты мой отец, медведь или кто ты там, – сказал я. – Бер Керемет, правильно?

Мужчина осклабился, и я поймал себя на том, что приглядываюсь к его рту в поиске клыков.

– Когда-то этим именем пугали непослушных детей, да, Полуночница?

Полуночница вернула ему ухмылку:

– Я смотрю, тут сегодня сбор моих фанатов.

– Мы, конечно, далеки от дел Фортов Сердец, но новости и в дальневосточную тайгу залетают, – Керемет развел руками. – Ты, можно сказать, местная знаменитость, пропавшая на пять лет. Горжусь личным знакомством.

Ухмылка Полуночницы стала еще шире, и я поймал себя на том, что ее сдержанная ледяная усмешка выглядит более пугающе, чем оскал оборотня. Они были знакомы? Но как?

– Каково это, Керемет, чувствовать себя последним из своего рода?

– Это ты мне скажи, де Фриз.

– Так странно, – Полуночница смерила Керемета взглядом с ног до головы. – Я восемнадцать лет представляла себе эту встречу. Ты знаешь, как умирали остальные?

– Гэджиури Мапа прятался в своем родном поселке под Хабаровском, в Джонке. Ты выжгла ему глаза и убила.

– В Вальпургиеву ночь две тысячи третьего, – добавила рыжая. – Будини Дили?

Оборотень усмехнулся, сел на краешек стола и сунул в зубы тлеющую трубку, выточенную из белой кости.

– Затеяла вечер памяти? Проблема твоей семьи всегда была в склонности к театральщине. Что же. Я подыграю, кто же не любит шорох кулис?² Ты нашла ее неподалеку от Солсбери, в частной школе Трифой. Я видел снимки в Сетке. Тело обнаружили прибитым за руки над камином в ее комнате.

² Бер Керемет цитирует известного писателя-жара конца девятнадцатого века Робина Грэйфайра.

Я посмотрел на Полуночицу, у которой не дрогнул ни единый мускул на лице. Но оба глаза мстительно горели.

– Киаксо Насалу ты вбила в глотку его собственный меч, – продолжал Керемет с таким видом, будто читал замысловатый рецепт, а не перечислял, как именно были убиты его товарищи. – А Сингтакту Око сбросила в пропасть – обоих не защитили от тебя горы Тибета. Кроваво. Очень кроваво.

– Вальпургиевы ночи две тысячи одиннадцатого и две тысячи четырнадцатого года соответственно. А ты знаешь, когда в этом году Вальпургиева ночь?

Я оцепенел, не в силах поверить, что Полуночица была способна на такие жестокости.

– Просвети меня, де Фриз, я не слежу за вашими жарскими праздниками, – оборотень безглаголиво сморщился.

– А один раз следил, ровно восемнадцать лет назад, когда вы похитили мою сестру с праздника Вальпургиевой ночи, – рыжая почти шипела, вены на ее лбу вздулись, а бельмо увеличилось и залило ей глаз целиком, будто ей в глазницу вставили серебристый шарик. – Вы распяли ее, вырезали волшебные глаза, запихнули в рот ее меч и сбросили с мыса Тобизина. А диск с видео отправили моему отцу. Инфаркт. Смерть.

– Припоминаю то убийство, – оборотень лениво потянулся. – И когда же все-таки Вальпургиева ночь в этом году?

До меня дошло первым:

– Она сегодня.

Рыжая левой рукой вытащила зажигалку из кармана и быстро щелкнула крышкой, высекая пламя:

– Властью, предоставленной мне Бюро «Жар-птица» и мэрией города Владивостока, где жары и дети Нерушимого уживаются под одним солнцем с людьми, я предъявляю вам обвинение в одиннадцати убийствах, покушении на убийство члена Триптиха и попытке захватить власть в городе. Полный список вы имеете право попросить у следователя по вашему делу. Сейчас вы можете хранить молчание. Я арестовываю вас. Если вы будете препятствовать аресту, я имею право применить силу.

– Неужели вы думаете, что я дам арестовать себя какой-то человеческой подстилке? – оборотень расхохотался и продемонстрировал длинный розовый медвежий язык за человеческими зубами.

– Я надеялась, что ты так скажешь, – облизнулась Полуночица, и с этими словами выбросила руку из-за спины вперед.

Жахнуло так, словно мы попали в эпицентр салюта на Девятое мая. С пальцев Полуночицы сорвалась молния, а с губ – *наречие*, которое я не мог разобрать из-за грохота и звона в ушах. Серебристый росчерк угодил точно в то место, где мгновение назад стоял оборотень, и стол зигзагом раскололся пополам. Запахло окисью азота и жженым деревом.

Оборотень сбросил халат, оставшись в одних брюках, и занял оборонительную позицию, широко расставив ноги и прикрыв челюсть руками. Он нарочито лениво похрустел шейными позвонками, покрутив головой:

– *Нарекать* меня вздумала?

Полуночица покрутила в пальцах зажигалку. Зная, какой разрушительной мощью обладает этот предмет, я лишь гадал, что оборотень может ей противопоставить.

– Если хочешь, можешь сказать последнее слово, – подначила его рыжая.

– Последнее слово? Неужели ты считаешь, что дочь Жар-птиц так легко победит меня, лорда Обакэ, сына Нерушимого Дракона? – мышцы на теле оборотня забугрились, и плечи с хрустом раздались в стороны, порастая мелкой шерстью. – Моя семья устала от многовековых унижений. Когда я стану мэром Владивостока и войду в Триптих, я заставлю всех нас услышать, а кто не услышит – того уже можно считать мертвым.

Полуночица открыла рот, чтобы что-то ему ответить, но я больше не мог сдерживаться:
– Что случилось с моими родителями? Зачем ты их убил?

– Люди применимы лишь для трех целей, – оборотень поднял руку, и пальцы вспухли и выдвинулись, выпуская короткие черные когти. Он принялся их загибать: – Инструменты для достижения власти, пища, согреть постель под настроение. Твой папаша был слишком добр и глуп, полез вызволять в лесу медведя, попавшего в капкан. В приморских лесах не будет ничего хорошего для тех, кто застроил этот древний благородный город мостами, до боли стягивая все его жизненные артерии... Я сразу понял, что это мой шанс, занял его место, поглощая его сердце, воспоминания и жизнь.

Говоря это, оборотень медленно отступал назад, к стеллажам.

– Наличие у него щенка и жены не входило в мои планы, но потом я осознал, какое сокровище приплыло ко мне в лапы – богатая человеческая женщина, которую я по щелчку свел с ума парой капель медвежьего секрета в чае. Со временем я смог изменить мою собственную внешность, чтобы больше походить на Всеволода, но от нее мне пришлось избавиться – она-то заметила бы разницу.

– Ты добавлял девушкам медвежий секрет в качестве приворотного зелья? – Полуночица внимательно следила за всеми движениями врага. – Всем-всем?

– Тебе, наверное, интересна эта шавка, Карина? – оборотень медленно опустился на четыре конечности. Он выгнулся, и его зад резко увеличился в размерах, разрывая штаны. – На нее почему-то не действовал медвежий секрет, и проку никакого не было. Даже в суде пришлось изображать ее, съев сердце.

Рот существа, которое я считал своим отцом, расширился и разорвался, обращаясь в клыкастую челюсть. На задние лапы поднялся двухметровый бурый медведь с черными лапами и глазами-бусинами. С подбородка свисала длинная синяя борода, заплетенная в толстую косу, а половина верхней губы была когда-то вырвана, и несколько крупных клыков, которые я скорее назвал бы бивнями, торчали напоказ. На мощном торсе то там, то тут были шрамы, которые не зарастали шерстью. Был крупный уродливый рубец и на задней лапе – видимо, стоивший моему отцу жизни.

Медведь испустил мощный рев и ринулся с места так быстро, что я даже не успел сообразить, как это произошло. Они с Полуночицей покатались по полу, сцепившись в плотный клубок, и как я ни скакал вокруг, не мог подлезть с ножом, не поранив девушку.

Рослая рыжая воительница на фоне мощного оборотня показалась мне хрупкой и маленькой, но она мутузила его с таким остервенением, с такой жгучей немой яростью, что я бы не делал однозначных ставок на чью-либо победу.

Рыжая вцепилась медведю в шею, сжимая ее так сильно, что у нее от натуги на лбу проступили вены. Будь на месте оборотня человек, она давно переломила бы ему хребет. Оборотень тянулся пастью к ее лицу, передними лапами пытаясь прижать рыжую к полу, а задними рвал ей бедра.

Волшебная зажигалка отлетела куда-то в сторону, но я понятия не имел, как ей пользоваться. Решение родилось внезапно.

Бросив бесполезный нож, я подскочил к сражающимся и схватился за то единственное, что выбивалось из кучи-малы.

Когда мои зубы до хруста сомкнулись на подбородке, забивая мне рот шерстью, а рука вцепилась в бороду и намотала ее на запястье, тот взвыл, да так громко, что я решил, что мои уши сейчас закровоточат.

Он оттолкнул девушку и закрутился на месте, вереща от боли. Челюсть выламывало, щепки от стола впились в лицо, а темечко несколько раз с силой вонзилось в дверной косяк, но медвежьей бороды я не выпустил.

Медведь закрутился, как юла, и с воем обрушил мне на голову первое, что попало ему на пути – лампу.

– Убьешь меня – так и не узнаешь, кто на самом деле убил Агату! – расхохотался Керемет. – Давай, не будь соплей!

Мое лицо заливало кровью, а треснувший абажур острым краем раз за разом вспарывал лоб, щеки, губы, но я продолжал держать оборотня за бороду так, как будто от этого зависела моя жизнь, мешая ему атаковать. Впрочем, жизнью я своей больше не дорожил, и, когда торшер опустился на мое лицо в последний раз, а лампочка наконец разбилась, вгрызаясь мелкими осколками в мои глаза и кожу, я что есть мочи заорал:

– Сожги его к чертовой матери!

От боли я практически ничего не видел.

На этот раз полыхнуло не так, как в больнице, а в несколько раз сильнее. Зажигалка рывкнула в нас пламенем, и мы ударились об него, как ударяются о водную гладь прыгуны с вышки. Как ни странно, боли я не почувствовал, наоборот, лишь яркое уютное тепло и приятное покалывание по всему телу, как будто я с головой погрузился в минеральный источник.

Когда пламя угасло, я с удивлением обнаружил, что снова могу видеть. Оборотень лежал у моих ног черным искореженным скелетом, плоть на котором растворилась из-за магического пламени, практически не пострадала только широкая приплюснутая голова.

Стены кабинета покрывала копоть, и повсюду тлели маленькие костерки – на спинке и ручках кресла, ковре, сброшенном оборотнем халате. Пластик окна оплавился, а тяжелые бархатные шторы огонь слизнул подчистую. В черных от сажи руинах было трудно узнать обломки стола. Лишь книжные полки стояли как ни в чем ни бывало. Пламя удивительным образом даже не повредило их переплеты.

Полуночица смотрела на меня так, как будто только что увидела. Бельмо в ее глазу вращалось неторопливо, как капля молока в кофе.

Она сделала несколько нетвердых шагов мне навстречу и прикоснулась к моему лицу. Щеки защипало.

– Осколки налипли, – бесцветным голосом проговорила она.

– Что это было? – я пнул обугленное тело оборотня носком ботинка. – Он мертв? Я думал, что умру в этом огне. Черт, ты же истекаешь кровью! Где твой чудо-лейкопластырь?

Рыжая не слышала моего вопроса.

– В огне не горит, в воде не потонет, земля не возьмет, и воздух отгонит... – прошептала Полуночица, потрясенно глядя на меня. По ее щекам бежали слезы. – Восстанет из мертвых, наступит тот год, и вернет антимаг древней магии ход...

– Ты чего? – испугался я. В голове жужжало, и я подумал, что было бы неплохо обработать наши раны и куда-нибудь присесть.

– Костя, ты все-таки не человек.

– Что же, это многое объясняет, – хмыкнул я, – как минимум то, почему со мной обращались, как с куском дерьма.

– Ты не понял, – замороженно сказала она. – Ты не понял... Впрочем, об этом мы еще успеем поговорить. Антимаг...

Она покачала головой и принялась, матерясь, заклеивать раны на животе, которые, впрочем, уже начали затягиваться сами собой. Так много вопросов и так мало ответов.

– У тебя есть пистолет? – спросил я, разглядывая то, что последние полтора десятка лет дышало, ело, спало и существовало, как мой отец. Я не мог понять, есть ли у меня чувство утраты – такое, которое жило со мной со дня смерти матери. Все представления о том, кто я и каков мир вокруг меня, разбились вдребезги, когда Полуночица впервые заговорила со мной. – И почему ты не применяла против оборотня магию?

– Это оборотень, тем более лорд Обакэ – старейшина, – рыжая обошла тело кругом, тоже рассматривая его. – У таких, как он, шкура рикошетит некоторые заклинания. А зачем тебе пистолет?

– Хочу всадить ему в башку пару пуль, – честно признался я. – Я еще не разобрался в этом вашем волшебном мире и не знаю, есть ли у вас некроманты, но как-то не хочу проверять. Вряд ли достаточно поврежденный труп можно воскресить.

– В другой ситуации я бы поинтересовалась, нет ли у тебя склонности издеваться над мертвыми, – Полуночица наклонилась и вытащила из голенищ сапог два небольших пистолета и один подала мне. Знатком огнестрельного оружия я не был, так что ни марку, ни модель я не узнал и не мог сказать, человеческие это изобретения или все-таки магическая разработка, но подивился, как в потасовке с оборотнем пистолеты не вылетели. – Но сейчас я тоже в настроении всадить этой мрази обойму промеж глазниц. На счет три?

Пистолет давал небольшую отдачу каждый из шести раз, когда я нажимал на курок. Я никогда не бывал даже в обыкновенном тире, но с такого расстояния промахнуться было тяжело.

Пули вошли легко, пробивая лобную кость навывлет, и двенадцать пуль превратили голову оборотня в кровавое месиво.

– Какие ощущения? – неожиданно спросила Полуночица и опустила пистолет.

Я посмотрел на нее, ощущая, как оружие обжигает мне руку:

– Говорят, что месть не восстанавливает справедливость, а лишь порождает новое зло. Я пока не знаю, что такое справедливость и как она должна выглядеть, но удовлетворение однозначно испытываю.

– Понимаю.

– Может быть, нам стоит обыскать кабинет? – я вернул ей пистолет, и она убрала его в сапог. – Кажется, мы должны что-то искать.

– Мысли мои читаешь, – Полуночица подошла к книжным стеллажам. – Мне придется отзвониться в Бюро, и сюда приедут наши криминалисты. Но сначала поищем сами.

Стальная дверца сейфа с крупным ребристым тумблером обнаружилась за собранием сочинений Льва Толстого. Полуночица пробормотала что-то нелицеприятное в адрес личной жизни Льва Николаевича и бесцеремонно свалила тяжеленные тома на пол.

В сейфе лежали: резная шкатулка размером с мой кулак, книга в мягком кожаном переплете, флешка и две пухлые пачки новых пятитысячных купюр, перехваченные канцелярской резинкой. Шкатулку и книгу забрала Полуночица, а я взял себе деньги.

Я провел в собственной комнате около минуты, кидая в рюкзак одежду, обувь и альбом с фотографиями, где были снимки меня с матерью и меня с Агатой.

– На самом деле я притащила тебя сюда не только для того, чтобы ты помог мне проникнуть в дом, – сказала Полуночица, когда мы вышли из дома и пришли к клетке с перепуганной овчаркой.

– И убить медведя, – добавил я.

– И убить медведя. Спасибо, кстати. Мне нужен был свидетель. Пять лет назад меня отправили в бессрочный отпуск, чтобы стихла шумиха вокруг смертей этих ублюдков. Когда вскрылось, что это я их всех уничтожила, поднялся шум. Меня на месяц запихнули в Морокград, так наша тюрьма называется... Страшное место. Страшное. До этого я только сажала туда преступников, а в итоге оказалась там сама. Не знаю, как Светлов сделал так, что меня не наказали, но в итоге я получила бессрочный отпуск, а Светлов покинул место в Триптихе Владивостока. Сейчас типа мой второй шанс.

– В принципе, я готов подтвердить, что Бер доигрался со спичками. Для этого и нужны друзья.

Полуночица гоготнула, открывая клетку. Овчарка сначала недоверчиво посмотрела на нее, скалясь, а потом неуверенно переставляя лапы, вышла наружу. Задняя правая ее плохо слушалась.

– Собаку забираем, – безапелляционным тоном сказала рыжая и переспросила: – Друзья? А ты не торопишься, Люмен?³

– Как ты меня только что назвала?

Она не ответила.

Собака, прихрамывая и поджав хвост и уши, уныло плелась за нами. Овчарка вздрогнула и заскулила, когда вдалеке глухо зарокотал гром.

Раненую ногу засадило, и я старался не наступать на нее всем весом. Адреналин, гнавший меня этой безумной ночью вперед, исчез, уступая место голоду и дикой усталости. Полуночица, как видно, привыкшая к такому ритму жизни, выглядела потрепанной, но расслабленной, и негромко посвистывала, привлекая внимание собаки, когда та останавливалась и начинала робко обнюхивать капли крови на газоне.

Оборотни куда-то уползли, и я надеялся, что больше никогда их не встречу. Весь тяжелый груз – гибель матери и отца, которого, оказывается, я почти и не знал, два с половиной года жизни в психушке, смерть Агаты, боль, страх, отчаяние – хотелось оставить позади, в прошлом, и забрать с собой только волю к жизни и счастливые воспоминания о тех, кого я любил.

Я тысячу раз стоял под душем в лечебнице, воображая, что это дождь, но то была обыкновенная водопроводная вода, которая стекала по лицу, груди, спине и рукам. Она не пахла свежей листвой или ледяным снегом, ее не охлаждало утро и не прогревал вечер, но даже она утекала наружу через водосток, смешиваясь с мыльной пеной.

По небу яркой вспышкой промелькнула первая молния, подсвечивая верхушки деревьев и окрестности потусторонним фиолетово-красным светом. Интересно, бывают ли одинаковые по излому молнии, или они, как и снежинки, всегда неповторимы?

В воздухе запахло влажностью и пылью, небо напряглось, сжалось, и после нового разряда молнии под сухой аккомпанемент грома мне на лоб упали первые капли дождя, как мелкие монетки из копилки, которую удалось наконец растряссти.

Я стоял как вкопанный под этим дождем, зажмурившись и подставив ему лицо. Майские ливни во Владивостоке всегда пахнут сладкой черемухой, и ветер щедро принес аромат ее цветков.

Рука Полуночицы легонько легла мне на плечо.

– Все в порядке?

Я сначала обернулся на дом, оставленный позади, а потом на нее. Ее рыжие волосы мокрыми прядями облепили узкое внимательное лицо, с которого дождь безуспешно пытался смыть грязь, кровь и синяки.

– Да.

И я понял, что впервые за очень долгое время искренне улыбаюсь.

³ От лат. Lūmen – «свет, свеча, факел, надежда, спасение».

Глава 4. ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

Полуночица торопливо стирала засохшую кровь с лица влажными салфетками, и они красными комками стремительно падали в ближайшую мусорку. Бер Керемет рассек ей нижнюю губу практически надвое, из-за чего удовлетворенная улыбка рыжей казалась, мягко говоря, зловещей. Она держалась стойко, но как бы на автопилоте.

– Ты потеряла много крови, – сказал я, – уверена, что хорошая идея – садиться за руль? Она лишь рассмеялась.

Извлеченные из сейфа предметы Полуночица бережно обернула в пакет и убрала под водительское сиденье.

Помоечника нигде не было видно – вероятно, не счел нужным попрощаться. Я закинул в бак шлепанцы, больничные штаны, белье и с удовольствием натянул джинсы, которые забрал из своей комнаты. Они здорово болтались на мне, потому что в больнице я похудел килограммов на десять. Дурман в голове и не думал куда-то улетучиваться. Я плохо понимал, что произошло, и мало чувствовал боль – хоть физическую, хоть душевную. Интересно, что будет, когда нейролептики и транквилизаторы окончательно покинут мой организм?

Полуночица позаимствовала у меня старую фланелевую рубашку – окровавленная и изорванная медведем футболка полетела в бак вслед за моими вещами. Я вспомнил, что эту рубашку выбирали мы с Агатой, – это она любила синий цвет.

Под футболкой у Полуночицы был только спортивный топ, но я так отвык от чьего-то общества, что не сообразил отвернуться. Ей, кажется, было все равно, что я пялюсь.

– У тебя так много шрамов.

Белые пятнышки и полоски, розовые рубцы и багровые червячки покрывали ее плечи. У нее на теле не было ни грамма лишнего жира, сплошные тугие мышцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.